

Управление культуры и искусства Администрации Липецкой области
Липецкий областной краеведческий музей

Георгий Валентинович Плеханов

к 150-летию
философа, мыслителя
и общественного деятеля

г. Липецк, 2006г.

Библиотека Российской Академии наук о Ближнем Востоке

ГЕОРГИЙ
ВАЛЕНТИНОВИЧ
ПЛЕХАНОВ

К 150-ЛЕТИЮ
ФИЛОСОФА, МЫСЛИТЕЛЯ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

„Для Плеханова“
№ 27 (gap)

Георгий Валентинович
Илеханов
1856 – 1918

Семья Георгия Валентиновича Плеханова

«...как и в отдельном человеке и через него живет весь род преемственных поколений, так и в совокупности этих рядов и через них действует единый народ, так и в полноте народов живет и совершает свою историю единое человечество».

B. Соловьев

Философский смысл приведенных слов известного русского мыслителя как нельзя лучше раскрывается в судьбе нескольких поколений семьи Плехановых, по крайней мере, тех ее представителей, о которых будет рассказано ниже. Если глава семьи, Валентин Петрович Плеханов, верный царю и отечеству, в возрасте чуть более двадцати лет участвовал в подавлении польского восстания 1831 года, то его сыновья, служа Отечеству, идеям братства, добра и справедливости, в составе русских войск освобождали Балканские страны от Османского ига, боролись против самодержавного гнета, представляли российскую социальную демократию во II Интернационале; его внуки восстанавливали в нашей стране жизнь после Первой мировой и гражданской войн, участвовали в создании системы здравоохранения СССР; внуки и правнуки в рядах Французского Со-противления боролись против фашистской оккупации и идей фашизма; по окончании самой кровопролитной в истории человечества войны 1939 – 1945 годов его правнук вместе с другими посланцами мирового сообщества налаживал мирную жизнь человечества, представляя Французскую республику в Организации объединенных наций... Вполне резонным может показаться возражение, что далеко не все в этой семье имели такую яркую судьбу и оставили столь заметный след в истории своей страны и человечества, однако ответом на подобное замечание, если оно прозвучит, могут стать слова Георгия Валентиновича, заключающие его очерк «К вопросу о роли личности в истории»:

«...не для одних только «начинателей», не для одних только «великих» людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие *великий* есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя»¹. Выбор пути и способа жизни всегда остается за человеком...

Собственных воспоминаний о детстве, родных и близких Георгий Валентинович не оставил, но хотя одна из его работ и носит автобиографический характер², относится она к более позднему периоду: годам его юности и началу революционной деятельности в качестве бунтаря-бакуниста³.

Первые биографические наброски и опыты политической и научной биографии Георгия Валентиновича, попытки проследить становление его личности, оценить вклад в общественную жизнь России и Западной Европы прослеживаются еще в прижизненных публикациях. На некоторые из них откликался сам Плеханов. После смерти Георгия Валентиновича биографическая хроника воссоздавалась по воспоминаниям соратников по революционному движению, членов семьи и людей, в разные годы имевших, как отмечали они сами, счастье близкого с ним общения; писали свои рассказы однокашники Плеханова по Воронежской военной гимназии, жители села Гудаловка – друзья детских игр, появлялись публицистические очерки и этюды, издавались первые архивные публикации, сопровождавшиеся соответс-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. – Т. 2. – М., 1956 – С. 334, курсив Плеханова.

² Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении / Публ. И. Н. Курбатовой и В. И. Уланова. – Л., 1989.

³ Михаил Александрович Бакунин (1814 – 1876) – видный общественный и революционный деятель России и Западной Европы, член И Интернационала, идеолог анархизма, чьи теоретические воззрения легли в основу одного из направлений революционного движения народнической интеллигенции и студенчества в России XIX в. – бакунизма. Центральной идеей доктрины М. А. Бакунина являлось положение о необходимости разрушения государства – источника насилия – и замене его союзом свободных общин, организованных на принципах равенства и братства. Сторонники этого направления полагали, что революционные потенции заложены в народе, и требуется лишь сигнал со стороны революционно мыслящей интеллигенции для того, чтобы стихийно возникающие разрозненные крестьянские восстания и бунты слились в политическую революцию, целью которой станет социалистическое преустройство общества.

твующими редакторскими вступлениями, последующими рецензиями и отзывами на них. Обширный пласт такого рода источников образовался в 1920 – 1930 годы⁴.

Поскольку мемуарная литература несвободна от неточностей, противоречий и несоответствий, определенные аспекты биографии Плеханова, в том числе и его родословная, оказались в определенной мере мифологизированными, а иные эпизоды, особенно относящиеся к отдаленным предкам Плеханова со стороны матери, родственникам по линии первого брака отца, оставались практически не изученными. Интересные исследования последних десяти лет, проведенные отечественными специалистами в области русской истории и генеалогии, введение ими в научный оборот ранее неизвестных архивных источников, позволили внести необходимые корректизы и существенно пополнить уже имеющиеся сведения о жизни и творчестве самого Георгия Валентиновича, его ближайших родственников – родителей, братьев и сестер. Наряду с этими материалами появились документы о семье Плехановых. За последние годы в нескольких солидных справочных изданиях и статьях появилась краткая биография Р. М. Плехановой⁵; опубликованы воспоминания о деятельности; увидели свет записки самой Розалии Марковны и единственного внука Г. В. Плеханова и Р. М. Плехановой – Клода Бато-Плеханова⁶.

Матерью Георгия Валентиновича была Мария Федоровна Плеханова, урожденная Белынская (19.06.1832 – 04.12.1881). Долгое время в отечественной и зарубежной историографии было распространено ранее не оспаривавшееся положение о том, что между нею и В. Г. Белинским (по отцу – Белынским), существовали родственные связи. Упоминания о различных степенях родства содержатся как в мемуарной, так и в научной литературе⁷.

⁴ Филимонова Т. И., Аркущенко Т. А. Актуальные проблемы изучения литературного наследия и деятельности Г. В. Плеханова // Плехановские чтения. 30. 05 – 31. 05. 1988.-Л., 1988,-С. 25 – 26.

⁵ Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографич. словарь. – СПб., 1999. – С. 500 – 505; Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. – М., 2000.

⁶ Плеханова Р. М. «Я глубоко страдаю за русский народ»: Дневниковые записи Р. М. Плехановой, 1939 – 1941 гг. // Исторический архив. – 1998. – № 2. -С. 179 – 206; Бато-Плеханов К. Воспоминания о французской ветви семьи Плехановых//К 75-летию Дома Плеханова. -СПб., 2003. -С. 101 – 111.

⁷ Дневницкий П. Н. Из жизни Г. В. Плеханова // Памяти Г В. Плеханова. Однодневная газета. – 1918. – 9 июня. – С.3.; Вольфсон С. Я. Великий социалист. -Минск, 1922.-С. 9; Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. – М., 1973; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. – М., 1977; Максишев П. Ф. Наш Белинский. – Саратов, 1986. – С. 72; Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов. Человек и политик. – Пермь, 1992; Бэрон С. Х. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма. – СПб., 1998 и др.

Интересны результаты генеалогических исследований семей М. Ф. Белынской-Плехановой и В. Г. Белинского, проведенных в 1993 – 2004 годах В. П. Жучковым и А. С. Бережанским⁸. Оба автора приводят убедительные аргументы, опровергающие версию о наличии родственных связей между этими семьями.

В. П. Жучков выстраивает свою систему доказательств, поднимая вопрос о степени достоверности источника информации о родственных связях Г. В. Плеханова и В. Г. Белинского. Как оказалось, формальных письменных свидетельств об общих корнях двух семей не существует. Одновременно наличествует и тиражируется из одного историографического источника в другой версия о том, что такое родство существовало. По воспоминаниям, приблизительно в 1850 году старший брат Марии Федоровны, Иван Федорович Белынский (1827 – 1874), сообщил ей, что с ним одно время вел переписку известный критик Виссарион Григорьевич Белинский. Узнав, что в Воронежской губернии проживают Белинские, Белинский лично разыскал адрес Ивана Федоровича и с ним списался. В ходе обмена письмами выяснилось их общее родство и происхождение обеих семей из польских шляхтичей. Однако сведениями о содержании корреспонденции и ее возможном местонахождении никто не располагал и не располагает⁹.

⁸ За последнее десятилетие именно исследования А. С. Бережанского в этой области следует признать наиболее плодотворными. В целом же, с середины 1960-х гг. по данной тематике исследователем опубликовано около двадцати статей и монография, в которой вопросу истории семьи Плеханова отведена соответствующая глава. (Часть приведенных здесь сведений о предках и сводных братьях Георгия Валентиновича заимствованы автором из работ Александра Самуиловича).

⁹ Еще в 1928 г. по возвращении на родину Р. М. Плеханова пыталась выяснить вопрос о возможном родстве М. Ф. Плехановой и В. Г. Белинского и установить достоверность легенды о письме критика И. Ф. Белынскому. Однако, как можно заключить из писем к ней сестры Георгия Валентиновича К. В. Кастинер-Плехановой и ее собственных записей в тетрадях, усилия последней были направлены на поиски дополнительных свидетельств о том, что такая корреспонденция, хотя и утраченная, все же существовала. Сам факт обращения Виссариона Григорьевича к Белинским, пусть документально нигде не засвидетельствованный, никогда не ставился под сомнение и априори воспринимался как подтверждение родства двух семей. Так, в феврале 1929 года К. В. Кастинер-Плеханова пишет: «На днях ко мне пришла – по записке Л. Г. Дейча – дама, которую я никогда не видела. Она называлась Софьей Ардальоновной Федоровой, внучкой того Ивана Федоровича Белынского, ... которому, по словам мамаши, писал Виссарион Белинский, называя племянником, и выразил удовольствие, что восстанавливается родство. Ив[ан] Фед[орович] отвечал ему ... О своем родстве с Вис[арионом] Белинским Софья Ардальоновна знает. Но ничего не знает о письме Виссариона Григорьевича (1929 г.) к Ив[ану] Фед[оровичу]. Я надеялась, что это письмо хранится в их семье, и потому просила разыскать его. Но она сказала, что во время разрухи погибло все, что осталось из бумаг Ивана Федоров[ича]. Погибли бумаги, но живы еще люди, которые знают об этом письме. Кроме Ник[олая]

Первое серьезное возражение против версии о подобном родстве вызывает у В. П. Жучкова этимология фамилий «Белынский» и «Белинский». Семья Марии Федоровны, как и семья критика, носила фамилию Белых. Ссылаясь на проведенные в середине XIX века изыскания, В. П. Жучков пишет, что Виссарион Григорьевич, будучи студентом Московского университета, изменил свою фамилию на «Белинский». По этой причине, заключает автор, разыскивать «Белинских» с тем, чтобы наладить родственные связи, Виссарион Григорьевич не мог¹⁰. Что же касается второй фамилии – «Белынские», – то, как полагает исследователь, общность происхождения объясняется тем, что предки Марии Федоровны были уроженцами села Белыни Пензенской губернии, в то время как прадед Виссариона Григорьевича и его многочисленные родственники служили в этой же деревне.

Сопоставив генеалогические схемы обеих семей, В. П. Жучков установил, что семьи Марии Федоровны и Виссариона Григорьевича не имеют и шляхетской крови. Дед Марии Федоровны – Дмитрий Павлович Белынский (род. ок. 1757 г.) – происходил из «обер-офицерских» детей, служил, хотя и непродолжительное время, сам, вышел в отставку по болезни. Все члены семьи Д. П. Белынского, начиная с его отца, Павла Белынского (прадеда Марии Федоровны), были православного вероисповедования¹¹.

Ник[олаевича] Познякова и меня, жив еще один человек, который, может быть, не забыл еще об этом письме, и я запрошу его, если Вы хотите». Две недели спустя Клавдия Валентиновна вновь обращается к тому же сюжету: «Получила письмо из Ялты от внучки Ивана Фед[оровича] Белынск[ого]. – Она пишет: «Что касается письма Вис[ариона] Б[елинско]го, то я спрашивала о нем у мамы. Она говорит, что в детстве часто слышала разговоры в семье о родстве с Вис[арионом] Бел[инским]; были ли разговоры о письме – не помнит. Во всяком случае, если письмо хранилось у Ив[ана] Фед[оровича], маминого отца, то едва ли оно уцелело (разве только он передал его кому-либо своевременно), т.к. все имущество мамы погибло в пожаре. Очень жалею, что не могла сообщить Вам ничего положительного по интересующему Вас вопросу». А далее следует заключение К. В. Кастанер-Плехановой: «Вот Вам еще одно подтверждение родства М[арии] Ф[едоровны] с В[иссарионом] Гр[игорьевичем] Б[елинским]» (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 59. Л. 1 об.; Там же. Ед. хр. 290. Лл. 33 – 33 об., 35 – 35 об.; Там же. Ед. хр. 342. Лл. 12 – 12 об.; выд. -Т. Ф.). Как видно из представленных фрагментов документов, собственно факт родства никогда под сомнение не ставился ни членами семьи Плехановых, ни теми, кто на их мнение впоследствии ссылался.

¹⁰ Жучков В. П. Были ли родственниками Мария Федоровна Плеханова и Виссарион Григорьевич Белинский // IV Плехановские чтения. Историософские проблемы общественных наук на рубеже тысячелетий: вторая половина XIX – XX века.: Современное видение истории. – 30-31 мая 1996 г. – СПб., 1996. – С. 101.

¹¹ Там же. С. 100 – 101.

Лишена оснований, как полагает В. П. Жучков, и версия о польском происхождении предков великого критика. Прадед В. Г. Белинского – Трифон Белынский и его сыновья, один из которых приходится дедом Виссариону Григорьевичу, были священнослужителями в Пензенской губернии. Учился в семинарии и отец Виссариона Григорьевича. Дочери трех поколений семьи Белых и Кантовых (этую фамилию при поступлении в семинарию получили двоюродные братья В. Г. Белинского) при замужестве уходили в семьи клириков.

Сам В. Г. Белинский в 1843 году венчался с М. В. Орловой – дочерью подмосковного православного священника¹².

Не выдержало критики и предположение ряда биографов Плеханова о том, что Мария Федоровна приходилась внучатой племянницей Виссариону Григорьевичу со стороны Кузьмы Никифоровича Белынского – родного брата отца критика¹³. Полученные архивные данные о предках М. Ф. Плехановой, как и сведения, приводимые биографами В. Г. Белинского, опровергли и эту гипотезу. В. П. Жучков сумел, воссоздав генеалогическое древо семьи Белых – Белинских и Плехановых не существовало.

Дополнительные доводы в поддержку приведенных выше соображений приводит и А. С. Бережанский. Записи в метрических книгах позволили ему установить, что год рождения Кузьмы Никифоровича Белынского – 1780 год. Год рождения Мария Федоровны Белынской (Плехановой) – 1832 год. Таким образом, заключает исследователь, за пятьдесят два года в семье потомков Кузьмы Никифоровича должно было появиться три поколения! И это при том, что достоверных сведений о детях и внуках К. Н. Белынского пока получить не удалось. Даже если предположить, считает А. С. Бережанский, что старший сын Кузьмы Никифоровича, Дмитрий, и внук Федор (старший сын Дмитрия), женились в 16 лет, то и тогда Мария Федоровна – третий ребенок в семье Федора Дмитриевича – едва ли могла появиться на свет в 1832 году: ее старшие брат и сестра – Иван и Агния – родились, соответственно, в 1827 и 1830 годах¹⁴.

Следует, по-видимому, признать основательность высказанных аргументов и считать версию о родстве Георгия Валентиновича

¹² Там же, С. 102.

¹³ Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов. М., 1973. – С. 8; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов. – М., 1977. -С. 112; Коротаев Ф. С. Г. В. Плеханов. -Пермь, 1992.-С. 8.

¹⁴ Жучков В. П. Указ, соч., С. 102; Бережанский А. С. Не по крови близки, а по духу //Липецкая газета. – 2004. – 24 янв. – С. 4.

Плеханова и Виссариона Григорьевича Белинского несостоятельной. Вместе с тем, нельзя не согласиться с замечанием одного из названных авторов, А. С. Бережанского, написавшего, что родственниками Плеханов и Белинский все же были: если и не по крови, то уж по духу точно.

Георгий Валентинович родился 29 ноября (11 декабря н. с.) 1856 года в селе Гудаловка Тамбовской губернии (впоследствии Гудаловка слилась с деревней Семеновкой, в которой Плеханова крестили, и оба селения стали носить единое название). В годы Советской власти Гудаловка была переименована в Плеханово.

Отец Плеханова – отставной штабс-капитан Валентин Петрович Плеханов (1810 – 1873) принадлежал к одной из древнейших в Тамбовской губернии дворянских семей.

Вслед за отцом, Петром Семеновичем Плехановым (1777 – кон. 1813- нач. 1815 г.), Валентин Петрович избрал военную карьеру, семнадцатилетним юношей поступив 15 ноября 1827 года на службу в Драгунский его Королевского высочества герцога Александра Вюртембергского полк; спустя три года был произведен в прапорщики. В 1831 году участвовал в подавлении Польского восстания. За отличия в военных действиях был повышен в звании до поручика и удостоен Георгиевского креста. 14 февраля 1834 года по Высочайшему приказу Валентин Петрович был «уволен от службы по домашним обстоятельствам с присвоением чина штабс-капитана».

В течение 1838 – 1849 годов продолжалась гражданская служба В. П. Плеханова. В формулярном списке старшего дворянского заседателя В. П. Плеханова значится: «По указу Тамбовского губернского правления определен в Липецкий уезд в 1 стан становым приставом 13 апреля 1836 г. По прошению определен помощником Острогожского окружного начальника Воронежской губернии 18 сентября 1841 г. По распоряжению начальства перемещен в таковой же должности в Новохоперский округ. По воле начальства исправлял должность окружного начальника с 14 мая 1842 г. по 12 января 1843 г. К продолжению статской службы способен и достоин».¹⁶ Последним местом работы Валентина Петровича явился Липецкий уездный суд, куда он был избран местным дворянством и утвержден приказом Тамбовского гражданского губернатора на должность старшего заседателя от дворян.¹⁷

¹⁶ Поляков В. Б. Материалы о Г. В. Плеханове в Фонде Государственного архива Липецкой области // Георгий Валентинович Плеханов. К 145-летию со дня рождения. – Липецк, 2003. – С. 12 – 13.

¹⁷ Бережанский А. С. Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов // Вопросы истории. – 1993. – № 4. – С. 155 – 159.

Как писал впоследствии, ссылаясь на воспоминания матери, его внук Н. А. Семашко, частая перемена мест службы лишь в определенной мере была вызвана хроническим чувством неудовлетворенности деда своей жизнью¹⁸. Некоторые черты характера, как предполагают медики, стали следствием недуга, которым страдали многие члены семьи Плехановых – туберкулеза. Эта же болезнь послужила причиной смерти Валентина Петровича в 1873 году.

Биографы Г. В. Плеханова отмечают солидную образованность его отца, обширные познания в области военного искусства и сельского хозяйства, склонность к чтению. Однако эти качества мало влияли на состояние его духа, и Плеханов-старший оставался человеком деспотичным, имел крутой нрав и репутацию человека неуравновешенного и склонного к конфликтам.

Валентин Петрович принадлежал к типу родителей, постоянно стремящихся и создающих, в случае отсутствия, условия к тому, чтобы вырастить детей мужественными и смелыми, уверенными в себе, независимыми и активными в жизни. Отличаясь огромным трудолюбием, он не выносил праздного отношения к жизни у детей, учил их самостоятельности, требовал не просить слуг о том, что они могли выполнить сами, и Плехановы-младшие часто слышали отцовскую поговорку: «Когда умрем – отдохнем». Эти ценностные установки отца были восприняты сыновьями и стали, как будет показано ниже, частью их натуры; они во многом определили их характер, помогли достойно прожить жизнь, не изменяя самим себе и не уступая жизненным обстоятельствам... Не стал исключением и Георгий Валентинович. Мужество и способность сохранять хладнокровие в минуты опасности не раз проявлялись в юношеский период революционного «бунтарства»; самообладание, способность твердо стоять на ногах и, когда оставляли недавние единомышленники, выстоять, как того требовали интересы дела, которому он служил; духовная зрелость, гражданская и философская смелость в защите истины, высших идеалов и справедливости, проявлявшаяся в попытках «принудить к пониманию» сомневающихся и тех, кто находился в оппозиции, заслуженно закрепили за Плехановым имя революционера и несгибаемого борца, преданного товарища и учителя...

¹⁸ Семашко Н. А. О детских годах Г. В. Плеханова // Каторга и ссылка. –1923. –С.33 – 36.

¹⁹ В начале 1880 г. Георгий Валентинович из-за преследований полиции (в России имя Плеханова вплоть до Февральской революции 1917 г. значилось в списке персон

По воспоминаниям родственников Георгия Валентиновича¹⁹, большую роль в его воспитании сыграла мать – М. Ф. Плеханова. Воспитанница Тамбовского Александринского института, Мария Федоровна была прекрасно образована и в отношениях с людьми являла собой полную противоположность супругу: мягкая и доброжелательная, она пользовалась любовью как членов своей семьи, так и крестьян. В столкновениях Валентина Петровича с крепостными, которые боялись и не любили его, Мария Федоровна старалась, чем могла, помочь им. Она воспитывала в детях чувство справедливости, уважение к чувствам других людей и сострадание к обездоленным. Не будет поэтому преувеличением сказать, что «любовь к страдающей русской массе» были привиты Плеханову с детства²⁰. Мягкость и чуткость матери соединялись в нем с силой характера и требовательностью к себе и другим, унаследованными от отца.

Брак Валентина Петровича с Марией Федоровной Бельинской в 1855 году стал для него вторым. Его первой женой была Вера Ивановна Познякова, родившая семерых детей: Александра, Любовь, Софью, Марию, Митрофана, Николая и Григория. В 45 лет В. П. Плеханов овдовел. Не все дети к этому времени

«нан грата») был вынужден покинуть родину и поселиться в западной Европе. Эмиграция длилась более 37 лет, и все это время его переписка с родными не прерывалась, хотя велась не всегда регулярно и не со всеми. Уже после смерти мужа эти связи продолжила жена Георгия Валентиновича – Розалия Марковна Плеханова. Сохранившаяся часть корреспонденции и документов членов семьи Плехановых размещены в архиве Дома Плеханова – секторе Российской национальной библиотеки.

²⁰ К. В. Кастанер-Плеханова по просьбе Розалии Марковны в нескольких письмах поделилась воспоминаниями о семейном укладе и отношениях в семье Плехановых; припомнила некоторые эпизоды из жизни Плехановых в Гудаловке и Липецке, включая и то, как Г. В. Плеханов объяснял матери мотивы ухода в революционную борьбу – «отдать жизнь за други своя», – и реакцию Марии Федоровны на планы сына (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 289. Лл. 4 об.-5).

В годы Первой мировой войны Плеханов, всегда избегавший высокопарности и славословия, в одном из писем к другу и единомышленнику А. И. Любимову в нескольких скучных строчках изложил свое кредо человека, политика, русского гражданина: «Если уж пошло на выражение чувств, то я скажу Вам, что знаю «одной лишь думы власть»: интересы нашего рабочего движения. К этому приурочивается и то, что теперь кажется некоторым товарищам моим «национализм». Весь мой «национализм» вызывается сознанием того, что *русский пролетариат* поставлен судьбою исторической в особенно неблагоприятные условия, я готов сделать все, что угодно для того, чтобы помешать кому бы то ни было поставить его в условия еще более неблагоприятные. Другими словами, я вижу, я знаю, что русский рабочий класс есть *пасынок истории*, и я глубоко возмущаюсь, когда более его счастливые *дети* истории третируют его с незаслуженным презрением» («Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914 – 1918 Публ. Т. И. Филимоновой. Исторический архив. 1998. № 3. С. 133; курсив оригинала Г. В. Плеханова.

успели вырасти, младшему из них едва исполнилось полтора года. После женитьбы отца они воспитывались в его новой семье Марией Федоровной. Из сводных братьев и сестер Георгий близко знал лишь троих: Митрофана, Николая и Григория.

Ко времени второй женитьбы В. П. Плеханова его старшая дочь – Любовь Валентиновна (по мужу Гранникова) – уже была замужем и жила в новой семье. Старший сын Александр еще до рождения Георгия был определен в Воронежский кадетский корпус, находившийся в Тамбове, и по его окончании в 1863 году был зачислен на военную службу – стал юнкером Михайловского артиллерийского училища в Петербурге.

Дочерей Софью и Марию в возрасте девяти и десяти лет определили в Тамбовский Александринский институт, который ранее закончила Мария Федоровна. Софья Валентиновна воспитывалась в нем с 1855 по 1861 годы. В 1863 году она вышла замуж за Михаила Павловича Вечеслова -подпоручика Белевского полка, расквартированного в Тамбове. Как вспоминали младшие сестры, за красоту и влияние, которым Софья Валентиновна пользовалась в тамбовском обществе, они называли ее «светской дамой». Бывая проездом в Тамбове, Георгий Валентинович непременно навещал старшую сестру. В качестве сестры «бунтовщика» Софья подозревалась в «неблагонадежности», и квартира семьи Вечесловых находилась под наблюдением полиции.

По мнению ряда исследователей, определенное влияние на формирование взглядов Георгия Валентиновича оказал брат Митрофан²¹. Он родился в 1848 году в Липецке, до тридцати лет воспитывался в семье. По окончании Воронежской военной гимназии в 1866 году его в числе других воспитанников, закончивших учебу по первому разряду, определили в Константиновское военное артиллерийское училище в Петербурге. Через два года в звании подпоручика Митрофан был распределен для прохождения службы в лейб-гвардии гренадерский полк. В неполных 24 года Митрофана направили на учебу в Николаевскую академию Генерального штаба, доступ в которую был весьма ограничен.

В 1873 году, когда Георгий поступил во Второе Константиновское военное артиллерийское училище в Петербурге, братья осо-

²¹ Бережанский А. С. Годы на родине; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов; Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1998; Барон С. Х. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма; Бережанский А. С. Офицер, погибший при загадочных обстоятельствах. Митрофан, любимый брат Георгия Плеханова// Независимая газета. – 2000. – 01. 09. – С. 16 и др. публикации.

бенно сблизились, вместе проводили свободное время и, несмотря на большую разницу в возрасте, младший брат был введен в круг товарищей Митрофана по Академии Генерального штаба. Характеру Георгия не могли не импонировать принципиальность, твердость характера старшего брата. Митрофан, хотя и не одобрявший революционных взглядов Георгия, снисходительно и любовно наблюдал, как младший пытался втянуть его друзей в политические дискуссии.

Блестящей карьере офицера, которую прочили Митрофану²², сложиться было не суждено: в середине лета 1876 года семья получила уведомление о его внезапной кончине в Киеве. Среди возможных версий причины гибели (Митрофан был найден мертвым с простреленным виском у подножия памятника князю Владимиру) наиболее вероятным выглядит предположение о тайной дуэли, жертвой которой он стал. Смерть любимого брата явилась тяжелым ударом для Георгия Валентиновича; в кругу родных он часто вспоминал Митрофана, неизменно подчеркивая его нравственные качества и интеллектуальные способности.

Интересный рассказ о судьбе Николая Валентиновича (1852 – 1928), был опубликован в «Липецкой газете» А. С. Бережанским²³.

В апреле 1878 года началась четвертая с начала XIX в. русско-турецкая война, вызванная подъемом национально-освободительного движения против господства Османской империи на Балканах и Ближнем Востоке. Восстание 1875 года в Боснии и Герцеговине, развитое на следующий год в Болгарии, вызвало широкий общественный резонанс и поддержку в российском обществе. Помимо финансовой и медицинской помощи, поступавшей в виде пожертвований, на стороне сербов и болгар воевало несколько тысяч русских добровольцев. В марте 1877 года в Константинополе состоялась международная конференция, в ходе которой турецкое правительство отклонило проект о предоставлении Боснии, Герцеговине и Болгарии автономии, и месяц спустя Россия объявила войну Турции.

²² После окончания Академии в 1875 г. Митрофан продолжил службу в штабе Киевского военного округа. В составе офицеров штаба летом того же года М. В. Плеханов инспектировал расположенные в западных частях округа воинские части; участвовал в «Высочайших смотрах войск», за что был пожалован орденом Станислава третьей степени, а в конце года его произвели в штабс-капитаны. В марте 1876 г. Митрофана назначают адъютантом штаба 33 пехотной дивизии // См. указ. соч. Бережанского.

²³ Аманжолова Д. А. Из семейной хроники Плехановых. 1924 – 1935 гг. // Исторический архив - 1998. – № 2. – С. 170; Бережанский А. С. Он сражался за Плевну // Липецкая газета. – 2003. – 3 дек.

На заключительном этапе в боях за Плевну в составе Фанагорийского гренадерского полка воевал старший брат Георгия Валентиновича – Николай Валентинович Плеханов.

В соответствии с планом осады Плевны, руководителем которой был назначен герой Крымской войны 1853 – 1856 годов генерал Э. И. Тотлебен, к 21 октября завершилось полное окружение крепости, что принудило турецкий гарнизон, чьи продовольственные и военные запасы подошли к концу, 28 ноября предпринять попытку прорвать кольцо блокады. Возглавил прорыв и атаку русских укреплений Осман-паша.

В ночь на 28 ноября, покинув с войсками крепость, он переправился на левый берег реки Вит и штурмовал оборонительные линии русских войск, заставив их отступить.

В контртаку русскую армию вывел командир Гренадерского корпуса, в состав которого входил Фанагорийский полк, генерал-лейтенант И. С. Ганецкий. Натиск гренадеров развивался столь стремительно, что наступление турков захлебнулось, а затем они вынуждены были вновь отступить к недавно пройденным переправам. Осман-паша, сам получивший ранение и сознавая обреченность положения своих солдат, приказал сложить оружие и выбросить белый флаг. В ходе кровопролитного боя турецкие войска потеряли 6,5 тысяч убитыми, 43000 солдат были взяты в плен, и 70 орудий стали трофеями противника. Потери русских в этом последнем бою за Плевну составили 1700 человек.

«За оказанные отличия при взятии Плевны» в сражении 28 ноября 1877 года штабс-капитан Николай Валентинович Плеханов был удостоен Высочайшей грамоты и ордена Святой Анны третьей степени с мечами и бантом. Союзная румынская армия отметила воинскую доблесть Плеханова, наградив железным крестом с лентой. Уже после окончания войны к этим двум наградам добавилась еще одна – орден Святого Станислава второй степени.

В 1893 году Н. В. Плеханов продолжил службу в 117-ом Ярославском пехотном полку, квартировавшем близ г. Чембар Пензенской губернии. Из-за родства с Георгием Валентиновичем военная карьера Плеханова-старшего не была безоблачной. Так, в автобиографии Николай Валентинович указывал: «Когда брату пришлось эмигрировать, то переписка наша была очень редкая, случайно кто-нибудь привозил письмо, да и то надо было сейчас же сжечь, ввиду обысков, так как все время был под присмотром полиции как брат «политического».

В 1898 году вышел [в должности командира батальона, в звании подполковника – Д. А. Аманжолова] в отставку благодаря придиркам начальства, считавшего меня неблагонадежным». Однако безупречная, без взысканий, служба обеспечила ему отставку «полковником с мундирем». Выйдя на пенсию, Николай Валентинович вместе с женой поселился в Рязани. Детей у супругов не было.

Годы после революции были трудными в материальном отношении, поскольку военного содержания Николай Валентинович лишился, а на назначенную ему Советским государством общую пенсию в 50 рублей «не то что одеться, но и сытому быть невозможно»²⁴.

Скончался Николай Валентинович в начале 1928 года в Доме для престарелых ученых в Большево, где в это время жила и Клавдия Валентиновна Плеханова.

Кроме сводных, у Георгия Валентиновича было три родных брата и столько же сестер²⁵.

Владимир (род. в 1864 г.), Евгений (род. в 1867 г.) умерли в раннем детстве, Федор (1861 – 1880) и сестра Александра (род. в 1860 г.) погибла в конце 1880-х²⁶. Из сестер лишь она, как и Георгий Валентинович, участвовала в революционном движении. Однако сведений о ней почти не сохранилось: Саша пропала без вести.

Две другие сестры, Варвара (1863 – 1922) и Клавдия (1866 – 1946), смогли встретиться с семьей старшего брата уже в начале XX в. и никогда более не прерывали родственных связей. Их личные судьбы сложились не очень счастливо, что не могло не печалить Георгия Валентиновича. В одном из писем к Клавдии Валентиновне Георгий Валентинович написал: «Твое письмо (последнее) произвело на меня очень тяжелое впечатление, оно мне показало и напомнило, что все вы, т.е., – и Варя, и ты, и без вести пропавшая Саша, – были очень несчастны. Отчего это так вышло? Обо мне ты напрасно говоришь, что я много страдал. Мне пришлось и приходится много бороться. Но несчастливым я себя никогда не чувствовал. И мне досадно, что ваша жизнь сложилась иначе. Если бы вы пошли по

²⁴ Аманжолова Д. А. Указ. соч.; Бережанский А. С. Указ. соч.

²⁵ Подробнее о них см. Бережанский А. С. Указ. соч.; Френчер А. А. (колл. псевдоним А. Френкеля, А. Черносвитова). На родине Г. В. Плеханова (Материалы к биографии) // Пролетарская революция. – 1922. – № 8. – С. 24 – 27; Айтекман О. В. Пометки на статье о Г. В. Плеханове // Каторга и ссылка. – 1928. – № 42. – С. 44 – 48; Тютюкин С. В. Судьба русского марксиста...

²⁶ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

моей дороге, то вы были бы несравненно счастливее. Ну, да этого уже не изменить»²⁷.

Будучи воспитанником Воронежской военной гимназии (1868 – 1873), Георгий любил навещать семью своей сводной сестры Марии Валентиновны и ее мужа А. С. Семашко²⁸, живших некоторое время после женитьбы в Тамбове, где Александр Северинович служил губернским секретарем. Позднее, когда Георгий Валентинович покинул Россию, связь с семьей Семашко на некоторое время была потеряна, и восстановлена уже в 1907 г. через сына Марии Валентиновны и Александра Севериновича – Николая Александровича Семашко (1874 – 1949), уже тогда известного члена РСДРП, большевика.²⁹

Вклад Николая Александровича Семашко в историю РСДРП и становление жизни нашего государства достаточно значителен и заслуживает того, чтобы кратко остановиться на нем.

После окончания в 1891 году Елецкой гимназии Н. А. Семашко поступил на медицинский факультет Московского университета, закончить который ему не удалось из-за ареста, и свое медицинское образование Николай Александрович завершил лишь в 1901 году, блестяще сдав выпускные экзамены и получив диплом врача в Казанском университете.

В мемуарах «Прожитое и передуманное» он с любовью и благодарностью вспоминает лекции профессоров Московского уни-

²⁷ РНБ АДП Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 67а; 79а. Л.2 об.– З, выд. – Т. Ф.

²⁸ Р. М. Плеханова в работе «Моя жизнь» вспоминала, что весной 1879 г. они, по решению Исполкома Народной воли покинувшие Петербург, осенью того же года решили вернуться в столицу и для большей безопасности прописаться на частной квартире (после Казанской демонстрации 1876 г. Георгий Валентинович находился на нелегальном положении). С этой целью были сфабрикованы паспорта на имя дворян А. С. Семашко и М. В. Семашко, и хозяин гостиницы, где они временно остановились, зарегистрировал документы в полицейском участке, а еще спустя несколько дней Георгий Валентинович и Розалия Марковна поселились в доме № 6 по Графскому переулку. Их расчет относительно возможной проверки оказался и смел и прост одновременно: в случае запроса III отделения в Тамбов, значатся ли проживающими там супруги Семашко, последует положительный ответ. В своих предположениях они не ошиблись, и Плехановым, вплоть до окончательного отъезда в эмиграцию, более не приходилось искать нового убежища.

²⁹ Среди материалов семьи Семашко, хранящихся в архиве Г. В. Плеханова, находится письмо Марии Валентиновны, датированное 1911 г., в котором она кратко сообщает о судьбе родных и сводных братьев и сестер. В июле 1917 г. с письмом к Плеханову обратилась дочь Марии Валентиновны, Александра, в которой спрашивала о возможности встретиться перед ее отъездом из Петрограда. В случае, если такая встреча для Георгия Валентиновича оказалась бы невозможной, от своего имени, а также от имени старших братьев и сестер, Александра Александровна желала успеха деятельности, которую он проводил, и которую они, его племянники, полностью поддерживали (РНБ АДП.Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 659. Л. 1 – 3; Там же. Ед. хр. 660. Л. 1 – 2).

верситета И. М. Сеченова, А. Г. Столетова, В. И. Вернадского, В. О. Ключевского, Н. Ф. Филатова, А. И. Поспелова, Ф. Ф. Эрисмана, С. С. Корсакова, Г. А. Захарьина, А. И. Чупрова, занятия у К. А. Тимирязева, работавшего в Сельскохозяйственной академии. Среди преподавателей Казанского университета, где Николай Александрович учился с 1898 по 1901 год, упоминаются такие выдающиеся специалисты, как Э. В. Адамюк, Л. О. Даркевич, В. И. Разумовский, М. Я. Капустин, А. Г. Ге³⁰.

Еще студентом Семашко вступил в революционную борьбу: входил в Союзный совет землячеств, а после сближения с социал-демократами и вступления в РСДРП работал в большевистских партийных организациях и печатных органах партии, таких как «Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета», и близкой к социал-демократической позиции газете «Радуга». После очередного, четвертого по счету, ареста в конце 1906 года эмигрировал в Швейцарию, а затем во Францию. В эмиграции Николай Александрович избирается секретарем Заграниценного бюро ЦК, входит в Президиум парижской группы большевиков, в качестве делегата принимает участие в Штутгартском съезде II Интернационала (1907 г.) и Пражской конференции 1912 г., состоит членом группы содействия социал-демократической фракции в Госдуме.

В период австро-сербской кампании 1912 – 1913 годов по приглашению сербской стороны Семашко заведовал военным госпиталем; в годы Первой мировой войны, с 1914 по 1917 год, уже в качестве интернированного врача Николай Александрович работал в болгарских городах Пещера и Котел, спасая солдат и мирное население от сыпного тифа и других инфекционных заболеваний.

Выдающихся успехов добился Н. А. Семашко, занимаясь профессиональной деятельностью в Советской России. К чести Николая Александровича необходимо отметить, что, несмотря на то, что его политические предпочтения всегда были на стороне большевиков, уже после установления Советской власти, занимая видные государственные посты в стране, он никогда не делил бывших соратников по революционному движению на эллинов и иудеев, и его помощью одинаково пользовались участники народнического движения, меньшевики и эсеры: некоторые из них, посвятив молодые годы революционной борьбе, по разным

³⁰ Семашко Н. А. Прожитое и передуманное. – М., 1960. – С. 20, 29.

причинам встретили старость в одиночестве и нуждались в социальной защите.

В мае 1918 года Н. А. Семашко назначают заведующим Медико-санитарного отдела Моссовета, а 11 июля 1918 года Совет народных комиссаров принимает постановление об организации Народного комиссариата здравоохранения и назначает наркомом Николая Александровича. «Началась, — писал он позже, — трудная, интересная работа по организации Наркомздрава — первого в мировой истории учреждения такого типа. Началась трудная эпоха собирания медицины в одном ведомстве, ибо собирать хотелось не приказом, а показом пользы объединения медицины... это была эпоха энтузиазма, горения, самоотверженной работы врачей и всего медицинского персонала. Пайком был мякининский хлеб, ржавые селедки, сахарин»³¹.

Пост народного комиссара здравоохранения Семашко занимал в течение двенадцати лет. Он стал автором декрета Совета народных комиссаров «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» от 21 декабря 1920 года «для лечения и восстановления трудоспособности рабочих, крестьян и всех трудящихся всех Советских республик»; участвовал в 1922 году в создании и деятельности Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). ЦЕКУБУ, развернувшая свою деятельность в первые после окончания гражданской войны годы, взяла на учет научных работников, деятелей культуры и искусства в стране, организовала их продовольственное снабжение, оказывала им санаторно-курортную помощь, способствовала профессиональному сближению специалистов, открыв в Москве Центральный дом ученых и гостиницу при нем.

Наркомздрав тех лет обеспечивал работу по борьбе с эпидемиями и профилактике заболеваний, охране материнства и младенчества, по развитию физкультуры и спорта, производственной и школьной гигиены. Принципы и методы, положенные в основу создававшейся в нашей стране системы здравоохранения были направлены на то, чтобы придать ее деятельности профилактический характер.

По инициативе Николая Александровича был создан ряд научных медицинских институтов, в том числе и тот самый Институт организации здравоохранения и истории медицины, которому впоследствии было присвоено его имя, Центральная

³¹ Семашко Н. А. Указ. соч., С. 74.

медицинская библиотека; ему принадлежит инициатива издания Большой медицинской энциклопедии и организации в 1944 году Академии медицинских наук.

Более двадцати пяти лет Н. А. Семашко занимался научно-педагогической деятельностью в Первом Московском медицинском институте; он явился автором более 250 печатных работ по вопросам организации здравоохранения, социальной гигиене, охране материнства и детства, санитарии и гигиены, санаторно-курортному лечению, организации сельской медицины, воспитанию и обучению медицинских кадров и ряду других вопросов.

Н. А. Семашко стал действительным членом Академии медицинских наук СССР и членом ее президиума, был избран действительным членом Академии педагогических наук РСФСР, удостоен звания заслуженного деятеля наук РСФСР³².

В эпилоге к воспоминаниям, датированном 15 ноября 1946 года, Николай Александрович написал: «...оглядываясь назад, на свой долгий жизненный путь, могу сказать: я счастлив, что видел занимающуюся в предрассветном тумане зарю революции; счастлив, что видел расцвет революции и солнце революции, ярко освещдающее шестую часть земного шара и озаряющее весь мир. Счастлив был, когда видел, какую мощь обнаружил наш Союз, родина революции, в годы тяжелых испытаний в Великую отечественную войну. Счастлив, когда вижу, как быстро залечивает социалистическая страна раны, нанесенные врагами... И особенно счастлив на склоне лет тем, что не только видел все это, но и принял активное участие в борьбе за счастье человечества»³³.

Рассказом о Н. А. Семашко завершается далеко не исчерпывающий тему очерк о семье, из которой вышел Г. В. Плеханов, и начинается история семьи, созданной им самим.

Еще студентом Горного института, куда он поступил летом 1874 года, Плеханов сблизился с народническими кругами, а затем и сам включился в революционную работу, брал на хранение нелегальную литературу и выполнял отдельные поручения. Некоторое время спустя он вошел в кружок, члены которого слушали лекции видного народника И. Ф. Фесенко

³² Ашурков Е. Послесловие // Семашко Н. А. Прожитое и передуманное. – М., 1960. – С. 115 – 116. См. также: Мирский М. Б. Главный доктор республики. – М., 1964; Петров Б. Д., Потулов Б. М. Н. А. Семашко. – М., 1974; Морозова А. Н. А. Семашко // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. – М., 1996. – С. 551.

³³ Семашко Н. А. Указ. СОЧ. – С. 111.

по истории политической экономии, значительная часть которых была посвящена разбору «Капитала» К. Маркса. А вскоре и самому Георгию Валентиновичу поручили вести образовательный кружок для рабочих. Революционно настроенное студенчество Петербурга нередко собиралось вместе, и на одной из таких вечеринок, устроенной для встречи с бежавшим из тюрьмы товарищем, Георгий Валентинович познакомился со слушательницей женских курсов при Медико-хирургической академии Н. А. Смирновой.

Наталья Александровна стала первой глубокой любовью Георгия Валентиновича, любовью не только безответной, но и принесшей ему впоследствии немало страданий и трудностей. Ко времени знакомства с Плехановым Н. А. Смирнова вынужденно рассталась с М. А. Гриценко, студентом-революционером, незадолго до описываемой встречи арестованным и высланным из Петербурга. Последовать за человеком, которого искренне и давно любила, она не могла не только потому, что продолжалась еще ее учеба в Академии. Главная причина состояла в том, что вскоре должен был родиться их ребенок, а поскольку брак родителей не был официально зарегистрирован, он должен был получить статус незаконнорожденного, что, естественно, не могло не тревожить будущую мать.

На предложение Георгия Валентиновича стать его женой и усыновить будущего ребенка Наталья Александровна согласилась, хотя, как показали дальнейшие события, серьезного чувства к Плеханову, как и благодарности за проявленное по отношению к ней благородство, она не испытывала. В октябре 1876 года в церкви при Медико-хирургической академии состоялось венчание Георгия Валентиновича и Натальи Александровны, а в январе 1877 года родилась Н. Г. Плеханова³⁴.

В 1877 году у Натальи Александровны и Георгия Валентиновича родился сын, и ему в честь кумира революционной

³⁴ Вскоре после рождения Надежды Георгиевны (1877 – 1949) Н. А. Смирнова отправила ее к матери в Ригу, где дочь оставалась до десяти лет. Н. Г. Плеханова всю жизнь носила фамилию отчима, с которым она впервые встретилась в 1906 г. в Женеве, «физического своего отца», как написано в автобиографии, она никогда не видела. Н. Г. Плеханова закончила одну из Санкт-Петербургских гимназий Ведомства императрицы Марии, а в 1902 г. – физико-математическое отделение Бестужевских женских курсов. Преподавала математику в средних и высших учебных заведениях в Мелитополе, Николаеве, Ярославле и Москве; работала научным сотрудником в Московской педагогической лаборатории и Центральном институте заочного обучения НКЗ СССР. Последнее место работы Н. Г. Плехановой – Государственная библиотека им. В. И. Ленина (Москва), куда она поступила в 1946 г. (РНБ АДПФ. 1119. Ед. хр. 188. Л. 1 – 29). См. также: Бережанский А. С. Годы на родине; Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов; С. В. Тютюкин, Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста.

молодежи 1870-х гг. Н. Г. Чернышевского дали имя Николай. Мать отдала малыша кормилице, несмотря на настойчивые просьбы Плеханова отвезти его в Липецк, к М. Ф. Плехановой. Ребенок вскоре заболел и умер, а к этой трагедии вскоре добавилась еще одна: возвратился из ссылки М. А. Гриценко, и Наталья Александровна вернулась к нему³⁵. Георгий Валентинович мучительно переживал смерть сына, которого ему так и не удалось увидеть, и уход жены³⁶.

К этому времени его имена – настоящее и подпольное, «Оператор», – были широко известны в революционных кругах в связи с выступлением на Казанской демонстрации, состоявшейся 6 декабря 1876 года в Петербурге.

Она явилась первым открытым выступлением оппозиционных политических сил страны, выступавших за изменение

³⁵ Свой разрыв с Плехановым Наталья Александровна юридически не оформила. Бракоразводный процесс пришлось начинать Г. В. Плеханову много лет спустя, за границей, уже в начале 1900-х гг. В Доме Плеханова и Международном институте социальной истории в Амстердаме сохранились письма петербургского адвоката А. Гальперина, который в 1907 – 1911 гг. по просьбе Плеханова занимался вопросами развода. Процесс продвигался очень медленно из-за отказа Н. А. Плехановой предоставить развод, несмотря на то, что с момента их разрыва прошло более тридцати лет. Как следует из переписки, причины носили сугубо финансовый характер: в качестве жены Г. В. Плеханова она имела право на получение 50 % гонораров, выплачивавшихся ей в русских издательствах. Переговоры с Натальей Александровной протекали настолько трудно, что Плеханов, отчаявшись расторгнуть брак в России либо в Западной Европе, где необходимо было представить письменное согласие обоих супругов на прекращение брака, серьезно задумывался о временном отъезде в США. Американское семейное законодательство позволяло оформить развод, если в течение года проживания в стране супруги не поддерживали отношения. В 1908 г. Георгию Валентиновичу удалось, наконец, получить разрешение бывшей жены на удочерение детей от второго брака Плеханова, родившихся в 1881 г. во Франции и в 1883 г. в Швейцарии. Согласие на расторжение брака Наталья Александровна подписала в 1909 г. (РНБ АДП Ф. 1093. Оп. I. Ед. хр. 12. Л. 1). Вопрос о прекращении выплаты ей части гонораров Г. В. Плеханова был решен лишь в 1911 г. (ISH. Plekhanov Archive. Box 4. Folder 4; РНБ АДП Ф. 1093. Оп. III. Ед. хр. 367. Л. 1 – 5). Умерла Н. А. Смирнова в 1922 г. в Туле (РНБ АДП Ф. 1119. Ед. хр. 188. Л. 1).

³⁶ Вот как описывала тот период его жизни Р. М. Плеханова, с которой он познакомился несколько месяцев спустя после разрыва с женой. Вместе с сокурсницами она снимала квартиру, в которой скрывался находившийся на нелегальном положении рабочий-революционер. Время от времени его навещал Г. В. Плеханов: «Я с каждой встречей все больше, глубже узнавала Георгия Валентиновича, все больше оценивала его ум, благородство его характера. Обыкновенно живой, огнедышащий, жизнерадостный, со страстным, полемическим темпераментом, он иногда являлся ко мне задумчивый, погруженный в какую-то думу. Я догадывалась, что этому настроению являются причиной какие-то переживания личного характера. [...] Все эти личные невзгоды накладывали по временам тень на жизнерадостный, пылкий характер Георгия Валентиновича, он несомненно переживал большое горе, но он не принадлежал к разряду людей, которые из-за неудач в личной жизни опускали руки. С удесиеренной силой он принимался за работу, за свои революционные обязанности. Он принадлежал к тому разряду людей, которые, в случае необходимости, умеют взять себя в руки и сказать себе: «Это надо забыть, об этом – не думать!». И забывал, и не думал!» (РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 131 – 132).

социально-экономического строя страны: свержение самодержавия, предоставление гражданам политических свобод, решение аграрного вопроса в интересах крестьянства. Митинг и демонстрация были организованы землевольцами, в них участвовали члены рабочих кружков фабрик и заводов Васильевского острова, Петербургской и Выборгской сторон, предприятий, расположенных на Обводном канале, Невской и Нарвской заставах.

Выступление на митинге было поручено Георгию Валентиновичу. В своей речи, длившейся всего несколько минут, Плеханов заявил, что в России всех тех, кто выступает против бесправия, физического и морального уничтожения народа, власть относит к числу государственных преступников, подвергает их гонениям, ссылкам и казням. Борьбу за достойную людей жизнь оратор назвал народным делом, ибо начата она была самим народом, а всех отдавших за него жизнь – мучениками за народное дело. Плеханов вспомнил участников крестьянских восстаний Разина, Пугачева, Антона Петрова, декабристов, петрашевцев, каракозовцев и закончил свою речь словами: «Да здравствуют мученики за народное дело!»³⁷.

Казанская демонстрация получила огромный общественный резонанс не только в России, но и в странах Западной Европы. Впервые в России в речи девятнадцатилетнего юноши политический строй России был публично назван преступным, а борьба с ним определена как борьба за восстановление поруганного человеческого достоинства. Выступление Плеханова стало символом этой борьбы.

Интересно отметить, что 9 января 1905 года, т. е. почти тридцать лет спустя после описанных выше событий, участники мирной манифестации к Зимнему дворцу подготовили петицию императору Николаю II, смысл и содержание которой (за исключением нескольких конкретных требований) полностью совпали с тем, о чем говорил Георгий Валентинович 6 декабря 1876 года. В прошении указывалось: «Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети, и беспомощные старцы-родители, пришли к Тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь, и молчать... Настал предел

³⁷ Из корреспонденции // Вперед. – 1876 – № 48.

терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше умереть, чем продолжение невыносимых мук...»

Юбилей демонстрации на Казанской площади отмечались в нашей стране и за рубежом в 1901, 1911 и 1916 годах. В середине революционных российских и общественных организаций это событие всегда ассоциировалось с именем Плеханова. В архиве Георгия Валентиновича сохранились приветственные телеграммы, письма и статьи представителей российского общественного и революционного движения и культуры, западноевропейских политических партий, в разное время откликнувшихся на юбилейные события; женевское издательство A. Wicky выпустило почтовую открытку с портретом Плеханова и надписью «Zum Andenken an das Jubiläum der 25 jahrbrigen revolutionären Thatigkeit von G. W. Plechanoff (1876 – 1901)»³⁸.

В статье Ж. Лонге «Чествование Г. В. Плеханова. 35 лет боевой жизни», опубликованной в органе партии французских социалистов «Humanité» 26.12.1911 года, отмечалось, что «эта манифестация имела особое значение: в первый раз русское революционное движение приняло форму движения масс³⁹.

Уместно также привести письмо одного из соотечественников, друзей и соратников по революционной борьбе Георгия Валентиновича, литературного критика и философа И. И. Аксельрод, написанного по случаю тридцать пятой годовщины Казанской демонстрации:

Bern, den 19/12 1911. Дорогой Георгий Валентинович!

Поздравляю Вас с исполнением тридцатипятилетия Вашей неустанной практической и теоретической деятельности, направленной на осуществление социалистического идеала. От всей души желаю Вам много сил для дальнейшего труда на этом поприще. Чем победоноснее пойдет осуществление нашего идеала, тем яснее будет для всех, какой вклад внесли Вы в социалистическую науку и сколько сил Вы положили на борьбу с врагами светлого будущего. День 6 декабря 1876 года составляет новую эру не только в русской истории, но и в истории человечества. Для людей, которые поняли, какую роль в развитии «мирового духа» играет социализм, и познали связь, существующую между всеми странами мира, этот день первой массовой русской революционной демонстрации является настоящим событием, и его главный участник – одним из тех

³⁸ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. VI. Ед. хр. 4. Л. 6.

³⁹ РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. I. Ед. хр. 228, подч. – Т.Ф.

героев, деятельность которых вызвала мысль, что история есть продукт творчества исключительных личностей. Итак, еще раз желаю Вам много сил для продолжения того великого дела, которому Вы служили в течение всей Вашей жизни.

Душевно преданная Вам

Ида Аксельрод⁴⁰.

6 декабря, как и 1 мая, всегда оставался семейным праздником Плехановых, в том числе и в семьях дочерей⁴¹.

Это знаменательное в истории нашей страны событие сыграло не менее важную роль в личной жизни Георгия Валентиновича. Вскоре после проведения Казанской демонстрации его впервые увидела Розалия Марковна Боград, его будущая жена и самый верный друг и единомышленник⁴². Их личное знакомство, как было сказано выше, состоялось годом позже, в ноябре 1877 года. В 1878 году они стали мужем и женой.

Розалия Марковна Боград-Плеханова родилась 3 (ст. ст.) мая 1856 года в селе Добренькое Херсонского уезда в семье зажиточного арендатора⁴³. Начальное образование получила в школе Брука в Херсоне, продолжила учебу в гимназии сестер Гоздановых, которую закончила в 1874 году.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 221. Л. 1 – 1 об.

⁴¹ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 290. Л. 39

⁴² Вот как описала Розалия Марковна ту первую мимолетную встречу четверть века спустя после кончины Георгия Валентиновича: «Мельком я его видела в одной петербургской читальне уже после Казанской демонстрации, когда имя его сделалось среди революционной молодежи очень популярным, и видеть его можно [было] только тайком, так как он вел жизнь нелегальную и скрывался от полиции. В читальне сидевшая рядом со мной моя подруга Полляк шепнула мне: «Вот Плеханов». Я увидела молодого человека среднего роста, стройного, с интеллигентным видом, правильным профилем, с красивой шапкой зачесанных назад каштановых волос. Он быстро прошел, точно видение, но до сих пор передо мной стоит этот образ. Я была далека от мысли, что этот юноша будет мне когда-нибудь дороже жизни, и что мы с ним пройдем жизненный путь» (Плеханова Р. М. Моя жизнь. РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 76).

⁴³ Как вспоминает Розалия Марковна, ее отец, Марк Самуилович Боград, вышел из семьи колонистов; некоторое время после вынужденного переезда семьи в Херсон был «барышником», однако тяготился торговлей, и как только представилась возможность оставить ее, сделал это. Счастливое стечье обстоятельств позволило ему укрепить финансовые дела и осуществить давнюю мечту стать арендатором. Человек недюжинных способностей, М. С. Боград с увлечением занимался земледелием, страстью любил музыку, особенно оперное искусство, знал множество арий и, обладая красивым от природы голосом, часто исполнял их в кругу родных и друзей.

Эстер-Клара Ильинична Боград, мать Розалии Марковны, была женщиной умной, обладала сильным характером и сыграла, по воспоминаниям дочерей, значительную роль в жизни мужа. Именно смелость и решительность Э. И. Боград помогли мужу реализовать ту самую «счастливую случайность», благодаря которой семье удалось выбраться из нужды.

Вскоре по окончании крымской кампании военное ведомство приняло решение о ликвидации части амуниций, скопившихся на интендантских складах. В Херсоне

Мировоззрение юной гимназистки складывалось под значительным влиянием уроков литературы М. И. Гоздановой, на которых изучались произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева; под впечатлением от работ Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, дружбы с членами народнического кружка... Как и многие ее друзья-сверстники, она мечтала о деятельности на благо народа⁴⁴. По окончании гимназии, выдержав в 1874 году экзамены в Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге, Розалия Марковна становится слушателем Высших женских

был объявлен аукцион по продаже постельного белья, предназначенного для военных госпиталей. По его условиям каждому претенденту предоставлялась возможность самому назначить цену выставляемому лоту, указать ее на листе бумаги, а затем в запечатанном конверте подать организаторам. Сумма, указанная М. С. Боградом, оказалась значительно выше той, что предлагали его конкуренты. Далее, как вспоминала впоследствии Р. М. Плеханова, события развивались следующим образом:

«Мне было тогда лет 7. Я живо помню крики толпы, скопившейся у ворот нашего дома. Мать и я за ней подбежали к воротам. Отца не было. Около ворот стоял ряд волов, прикрытых навесиями. Народ кричал, становился впереди подвод, хватал за узды лошадей и не пускал везть во двор. Ворота были на запоре. Мать вышла и с необыкновенной, несвойственной ей физической силой, вытащила громадный деревянный засов и крикнула кучерам, чтобы въехали во двор. Обезумевшая толпа успокоилась. Возы въехали во двор, толпа рассеялась. Это была толпа участников в закрытом торге и предлагавших более низкие, чем мой отец, цены. Среди толпы были христиане и евреи торговцы.

Моя мать, проявившая находчивость и энергию мужчины, заплатила за вытаскивание тяжелого дерева болезнь, которая могла кончиться трагически. Она выкинула шестимесчичного ребенка мужского пола. И отец, и мать были очень огорчены. Впоследствии больше сыновей у матери не было. У них было четверо дочерей» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 792. Л. 1; Ед. хр. 7. Л. 3,4 – 5,8).

Розалия Марковна унаследовала многие материнские черты характера. Внутренняя сила и мужество были ей присущи в не меньшей степени, а возможностей для их проявления, которыми так щедро одаривала ее судьба, хватило бы не на одну жизнь: в двадцать два года, презрев социальные и национальные условности, она стала женой человека, имя которого было занесено в список государственных преступников; родители, проявлявшие готовность терпеливо пережидать как детскую болезнь «нигилистские» настроения дочери, разорвали с ней родственные отношения и отказали в финансовой поддержке, узнав о русской национальности мужа; а далее последовали тяжелая болезнь Георгия Валентиновича, смерть детей, жизнь на чужбине и многое, многое другое...

Р. С. Галина, познакомившаяся с Плехановыми в 1910 г., позднее писала: «Розалия Марковна произвела на меня впечатление человека «не из мира сего» и этим напоминала своего двоюродного брата Бограда [Якова Ефимовича – Т.Ф.], который также был необыкновенно благородный человек.

Тяжелая болезнь Георгия Валентиновича «...совершенно не отразилась на его наружности. А между тем я узнала про него, что он в молодости был так тяжело болен туберкулезом, что все жалели его жену, про которую говорили, что она, бедная, осталась вдовой с двумя маленьими детьми. Но супруга его, Розалия Марковна Плеханова, принадлежала к типу женщин, которые не дают своим мужьям погибать от болезней. Она его вырвала из когтей смерти» (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. I. Ед. хр. 216. Л. 7,4; Л. 2 об., 3).

⁴⁴ «...в последних классах гимназии мы охотно посещали славившуюся своим развитием молодую девушку Фанни Морейнис. У нее мы читали Добролюбова. Я помню

медицинских курсов⁴⁵, где посещает лекции А. П. Бородина и С. П. Боткина, много времени уделяя самообразованию: «В студенчестве нашего круга стояло убеждение, что врач не должен быть узким специалистом, что для того, чтобы быть врачом-человеком, нужно стоять на высоте культуры, интересы к философии, к литературе ему должны быть близки. Мы занимались, читали по вопросам философии, литературы»⁴⁶.

В 1875 году слушательниц перевели для продолжения учебы в Женскую врачебную школу (ЖВШ) при Николаевском военном госпитале, которую Розалия Марковна заканчивает в 1879 году, однако, вынужденная скрываться от преследования полиции, она была лишена возможности сдать выпускные экзамены для получения диплома врача.

В начале 1878 года группа из 20 – 30 слушательниц Врачебной школы, среди которых была и Розалия Марковна, подала заявление с просьбой отправить их на фронт в качестве фельдшериц или сестер милосердия. В течение нескольких месяцев добровольцы ждали ответа, а затем делегировали Розалию Марковну на прием к начальнице курсов Ермоловой. Сославшись на незнание ситуации, начальница курсов, тем не менее, произнесла слова, глубоко задевшие, вспоминает Розалия Марковна, ее душу: «Госпожа Боград, я думаю, что

сильное впечатление, которое произвела на нас его гениальная статья – разбор романа Тургенева «Накануне». «Когда же наступит настоящий день?». Инсаров сделался нашим любимым героем. Мысль о том, что жизнь имеет ценность только тогда, если ее посвятишь великой цели, не покидала меня и моих подруг...

Чтение писателей-шестидесятников, появление в Херсоне революционного кружка Франжоли и Ланганса... Идеи просачивались в молодежь, доходили до нас, гимназисток. Каким-то образом дошел до нас и номер газеты «Вперед». Мы прониклись революционными стремлениями, мечтали отдать свою жизнь святому делу. Эти идеи охватили меня и моих подруг как новая религия, откровение. Помню, как в результате горячего спора, мы с Ольгой Анисиной и Настей Соколовой пошли на берег Днепра и там поклялись посвятить свою жизнь народу, его просвещению, его счастью» (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 27 – 28).

⁴⁵ «Медициной я очень увлекалась; я любила естественные науки, изучение человеческого организма: анатомия, гистология, физиология удовлетворяли мою любовь к знаниям, а кроме того, и главная причина, которая меня толкнула на изучение медицины и на поприще медицинской деятельности, – это убеждение, что обладание этой наукой и деятельность [...] дадут мне возможность осуществить мои юные мечты: стать в близкое соприкосновение с народом и отдать служению ему мои силы. Кому легче, чем врачу и народному учителю, стать в близость, повседневное отношение к народу, изучить его нужды, жить его радостями, быть ему полезным? К учительству у меня не было призыва, да и обстоятельства не подходили, а врачом сделаться была возможность, и к медицине я чувствовала призвание» (Там же. Л. 56).

⁴⁶ Там же. Л. 62, выд. – Т. Ф.

Вам вряд ли возможно будет воспользоваться местом, если даже получится удовлетворительный ответ на заявление. Ведь Вы и Ваши товарки сможете отправиться на театр военных действий только в качестве сестер милосердия, Вы должны будете носить форму с крестом на груди». Эти слова начальницы меня глубоко оскорбили: я готова душу положить за свободу наших братьев, страдающих от турецкого ига; раса, религия для нас, семидесятников, не существовали, нам было дорого человечество, и вдруг – передовая женщина, стоящая во главе женского образования и женской эмансипации, напоминает мне, что я еврейка, мне не место среди тех, которые готовы жизнь отдать для облегчения страданий борцов за свободу. Я всipyла и, вся взволнованная, заявила начальнице, что считала ее стоящей выше расовых и религиозных предрассудков»⁴⁷.

Вскоре разрешение на командировку было получено, и волонтеры отправились в Румынию для работы в военном госпитале. Розалия Марковна получила назначение в тыловой госпиталь № 147, располагавшийся в Бузое – небольшом городке, находившемся в двух часах езды от Бухареста. Служба продолжалась в течение нескольких месяцев, и, как она вспоминала позднее, положение раненых в госпитале, «плутни интендантства», факты открытого казнокрадства заставляли ее и ее товарищей все более проникаться ненавистью к самодержавному строю⁴⁸.

Захваченная общей революционной атмосферой Петербурга, Розалия Марковна Плеханова становится членом кружка помо-

⁴⁷ Это замечание было тем более оскорбительным, что, как вспоминает Розалия Марковна, никогда ранее ее национальные чувства не унижались: учащиеся гимназии принадлежали к разным вероисповеданиям, в кругу друзей отца и семьи были люди самых разных национальностей, а одним из самых близких – русский священник, семья которого часто гостила у Боградов. «Расового вопроса в эту эпоху просветительства, в эпоху Чернышевского, Добролюбова не существовало», - писала в своих воспоминаниях Розалия Марковна (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 8, 19 – 20, 96). Конечно же, это высказывание страдает некоторым преувеличением: в определенной мере национальные предрассудки были присущи родителям самой Р. М. Плехановой. Так, перед отъездом дочери в Петербург Марк Самуилович попросил обещать ему «не изменить народу нашему, ни религии». И добавил: «Если выйдешь замуж за христианина, мы от тебя отречемся, я тебя прокляну» (Там же. Л. 36). Свое слово отец сдержал. В приведенном Розалией Марковной утверждении важно иное: для нее лично вопроса о национальной принадлежности не существовало.

⁴⁸ РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 792. Л. 1. Так же хорошо передает мироощущение и душевный настрой добровольцев эпизод, ярко сохранившийся в памяти Розалии Марковны и описанный более шести десятилетий спустя: «Перед тем, как двинуться в Бузое, мы посетили еще раз столицу Румынии, остановились перед книжным магазином и увидели за витринами газеты, которые на родине были запрещены. Этот момент был нашей великой радостью. Мы нашли номера «Общины», журнал «Вперед», приобрели этот драгоценный плод, чтобы познакомиться с этими революционными новинками в свободное от медицинской работы время» (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 113).

щи арестованным, ссылочным и каторжанам⁴⁹, организованного лавристами⁵⁰, занимается культурной и революционной пропагандой среди крестьян⁵¹, работает в рабочих кружках и организациях партии «Земля и Воля».

Позже, находясь в эмиграции, Розалия Марковна оказывала посильную помощь Группе «Освобождение труда», Союзу русских социал-демократов за границей (1889 г.), а затем РСДРП (1903 – 1917 гг.), выполняя отдельные поручения,

⁴⁹ «...в марте месяце [1878 г. – Т.Ф.] началась стачка на Новой бумагопрядильне на обводном канале. Эта стачка вызвала сильнейшее сочувствие и интерес в студенческой среде. На курсах начались сборы денег, и я помню мою активную кампанию среди товарок, в среде знакомых, в обществе в пользу стачечников. Помню свой визит к профессору Лесевичу и его жене с целью сбора денег, и к моим приятелям – судебному приставу Семенскому, а, главным образом, к жене его, прекрасной, отзывчивой женщине. В обществе студенчества я встречала большое сочувствие к стачечникам. [...] В стачке рабочих на Новой бумагопрядильне мы все видели протест униженных и оскорбленных против сильных мира сего, а социалистически настроенные элементы женских курсов видели в ней шаг к осуществлению наших идеалов. Я, как и некоторые мои товарки, сильно увлекались рабочим движением, обегали своих знакомых, доставали деньги на помощь рабочим стачечникам». (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Лл. 96 – 98).

⁵⁰ Последователи Петра Лавровича Лаврова (1823 – 1900), идеи которого, изложенные в «Исторических письмах», стали философским и политическим символом веры радикальной молодежи, вступившей в российское общественное движение в конце 1860-х – начале 1870-х гг. Призыв Лаврова к демократической части интеллигенции состоял в том, чтобы путем просвещения и пропаганды среди народа добиться его участия в необходимых обществу революционных преобразованиях.

Сплотив и организовав общество на борьбу с самодержавием, интеллигенция исполнит свой долг перед народом, чьим тяжким трудом обеспечивалась для нее возможность не только получить образование, но и строить свою жизнь в соответствии с интересами, способностями и наклонностями.

⁵¹ «...клич «В народ!» имел для нас, революционно настроенной молодежи, значение нравственного призыва. Там, в «народе», мы измерим свои силы, увидим, на что мы способны, чему посвятить свою жизнь. О своем горячем стремлении стать в близкое отношение к крестьянской среде я не раз говорила с моей подругой Дорой Семенович. Она написала о моем стремлении поработать среди крестьян своему зятю, земскому врачу, служившему в селе Широком, Самарской губернии. Через некоторое время я получила от него приглашение приехать к ним и поработать в качестве фельдшерицы-добровольца под его руководством, на что я с радостью согласилась [...].

В первый день приезда в Широкое я двинулась к земскому врачу, представилась ему и его жене. Врач давал мне работу на дому у крестьян, я исполняла также фельдшерскую работу во время приемов. Мое сближение с крестьянами шло быстро. [...] Я занималась с крестьянами, главным образом стараясь дать им общее образование, и вела очень осторожно социалистическую пропаганду. Несмотря на мою осторожность, мой квартирный хозяин, старшина села Широкого, пришел ко мне в комнату и предупредил меня, что мое присутствие в селе и занятия с крестьянами вызвали подозрение среди местной полиции и его призвали, чтобы расспросить обо мне. Но мой хозяин успокоил начальство, и меня не трогали. [...] В селе Широком я пробыла до осени. До начала занятий в Медицинской школе. Рассталась я с крестьянами чрезвычайно дружески. Многие из крестьян, которых я лечила, проводили меня до станции железной дороги, бабы нанесли подарков, яиц, живых кур, платков. [...] В результате своего пребывания в селе Широком... я вынесла впечатление, что население села любознательно, но не революционно» (Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Лл. 92 – 93).

когда того требовали обстоятельства – секретарские обязанности, организовывая сбор средств для издательской деятельности. Ее врачебными услугами широко пользовались русские эмигранты; она участвовала в деятельности Комитета вспомоществования российским эмигрантам (1912 – 1915 гг.) и организованном после смерти Георгия Валентиновича «Комитете по увековечению памяти Г. В. Плеханова» (1918 г.)⁵².

30 марта 1917 года, т. е. немногим более месяца спустя после Февральских событий, Плехановы вернулись в Россию. Георгий Валентинович сразу оказался вовлеченным в вихрь революционных событий и дел: выступления на митингах в Петрограде и Москве, на Съездах советов, Государственном совещании в Москве; участие в Комиссии по улучшению материального положения железнодорожных служащих при Министерстве путей сообщения, работа в редакции газеты «Единство», газетные дискуссии по самым актуальным для страны вопросам: деятельность правительства и Советов депутатов, вопросы формирования коалиционного правительства, положение на фронте и в вооруженных силах в целом, организация жизни в стране в условиях войны и революции,

⁵² В состав Комитета входили видные ученые, государственные и партийные деятели того времени, соратники Плеханова по революционной борьбе: Л. И. Аксельрод-Ортодокс, П. Б. Аксельрод, А. М. Деборин, М. П. Кристи, А. В. Луначарский, Н. Я. Марр, Е. В. Тарле, Н. Ф. Петров, С. О. Португейс, Н. А. Потресов, Н. А. Семашко, Б. А. Членов и ряд других лиц. В Западной Европе действовал аналогичный Комитет, членами которого стали русские политические эмигранты, покинувшие Россию как задолго до Октябрьской революции 1917 г., так и после нее; его организационный центр находился в Париже.

Комитет занимался организационной, культурно-просветительской работой, оказывал финансовую и социальную поддержку участникам революционного движения, и в тех случаях, когда они подвергались репрессиям, Комитет выступал в качестве коллективного адвоката. В архиве Р. М. Плехановой и Л. Г. Дейча сохранились письма-обращения и другие материалы, адресованные лично членам правительства, партийному руководству страны, высшим государственным и партийным органам.

При непосредственном участии и по инициативе Комитета в Липецке был открыт Дом-музей Г. В. Плеханова, в селе Гудаловка созданы школа и сельскохозяйственный техникум, в которых малоимущим студентам и школьникам выплачивалась стипендия. Там же была открыта психиатрическая лечебница, существующая и поныне.

По просьбам и обращениям городских и сельских библиотек, отдельных лиц и общественных организаций на средства Комитета приобретались произведения Плеханова, сборники «Группы «Освобождение труда», издававшиеся при непосредственном участии его членов.

Комитет явился одним из организаторов Дома Плеханова и от имени наследников Георгия Валентиновича вел переговоры о передаче его архива и личной библиотеки Георгия Валентиновича в дар Советскому союзу.

Официально Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова не распускался и не заявлял о прекращении деятельности; последние по времени документы на бланках Комитета датируются началом 1930-х гг.

противостояние политических сил и партий... Драматические события лета-осени 1917 года, свидетельствовавшие о неуклонном сползании страны к гражданской войне, осознание невозможности предотвратить их, оказались непосильными для подорванного здоровья Георгия Валентиновича. Плеханов умер 30 мая 1918 года в финском санатории Питка-Ярви, расположеннном в нескольких десятках километров от Петрограда, куда Розалия Марковна была вынуждена вывезти мужа из-за отсутствия в столице медикаментов и продовольствия.

Четырнадцать месяцев, проведенных на родине, о возвращении на которую они с мужем мечтали долгих тридцать семь лет, стали едва ли не самыми тяжелыми и трагическими в жизни Розалии Марковны⁵³. После получения известий о революции в России Плехановы даже не рассматривали вопрос о целесообразности – с точки зрения состояния здоровья Георгия Валентиновича – времени отъезда из Швейцарии на Родину. Хотя, как и многие из их окружения, прекрасно осознавали реальную опасность для его жизни. Если сравнительно мягкий климат зимней Женевы был вреден для легких Плеханова, то условия жизни в Петрограде, в котором трудности климатического характера осложнялись последствиями к тому времени почти трехлетней войны с Германией, принесшей стране дезорганизацию экономической и социальной жизни, оказывались еще более губительными. Плеханов отдавал себе отчет в возможном исходе, однако еще раз пройти через уже однажды испытанные им в 1905 году нравственные мучения он не захотел⁵⁴.

Предчувствия не обманули Георгия Валентиновича. Второго апреля он простудился и восстановить силы уже не смог...

⁵³ Розалия Марковна оставила воспоминания о последнем году жизни Плеханова. В 1923 г. под названием «Год на родине» некоторые фрагменты появились в журнале «Заря». Полный текст рукописи опубликован в журнале «Диалог» за 1990 г., №6, 8 – 15 (Публ. Т. И. Филимоновой и И. В. Смирновой). См. также: Бэрон С. Х. Указ, соч., С. В. Тютюкин Указ, соч. и др.

⁵⁴ Осень 1905 г. стала знаменательным событием в социально-политической жизни России. Всероссийская политическая стачка, проходившая в октябре 1905 г., своим размахом, количеством и составом участников заставила Николая II предпринять ряд шагов, направленных на демократизацию общественной жизни. Одним из них стал Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», в соответствии с которым обещанная царем законосовещательная Госдума получала статус законодательного органа; гарантировалась свобода слова, митингов и собраний, печати. Вскоре после выхода «Манифеста» была объявлена политическая амнистия, и Георгий Валентинович стал собираться на родину. Но вновь обострилась болезнь, и отъезд пришлось ненадолго, как ему тогда казалось, отложить. В письме к другу

Пока Плехановы находились в России, Розалия Марковна оставалась почти единственным секретарем мужа, и значительная часть публиковавшихся в газете «Единство» статей и переписки были продиктованы ей Георгием Валентиновичем и обработаны ими совместно. Помимо этого была для него врачом и сиделкой... Оба понимали неизбежность приближавшейся развязки, но, как это бывало и раньше в критические для жизни мужа дни, Розалия Марковна надеялась на его душевые силы, волю к жизни, помочь врачей... На этот раз надежды обманули ее...

Похоронив 9 июня 1918 года Георгия Валентиновича⁵⁵, Розалия Марковна еще в течение полугода оставалась в Петрограде, занимаясь врачебной деятельностью.

Одним из наиболее тяжких последствий Первой мировой (1914 – 1918) и гражданской (1918 – 1921) войн в стране, голода 1921 – 1922 годов и последовавших за ним двух неурожайных лет, стала проблема беженства и связанное с ним увеличение числа детей, оставшихся без родительского попечения. По сведениям, приводившимся в различных изданиях, в т. ч. государственной печати и специальных исследованих, число беспризорных детей в России составляло несколько миллионов человек⁵⁶.

В годы Первой мировой войны заботу о беспризорниках взяли на себя Земский и Городской союзы и ряд других

и коллеге Л. И. Аксельрод 5 декабря 1905 г. он напишет: «Тянет меня в Россию. Я испытываю такое ощущение, как будто я дезертировал. Почти не могу работать. Надо ехать. Только вот здоровье-то мое зимою ничего не стоит! Скверно! Но все-таки лучше умереть на своем посту, чем дезертировать» (См.: Философско-литературное наследие. Т. 1. М., 1973. С. 214).

События, последовавшие за разгромом декабристского вооруженного восстания в Москве, сделали возвращение Плеханова в Россию в 1905 г. невозможным.

⁵⁵ Церемония прощания с Г. В. Плехановым проходила в здании Вольно-экономического общества. С просьбой разрешить участвовать в похоронах к их организаторам обратились более 200 партийных и общественных организаций города, представители Союза фабрично-заводских старост Петрограда. Кинохроника тех лет запечатлела многотысячную процессию, растянувшуюся на многие километры... В ряде городов страны вышли специальные выпуски газет, посвященные вкладу Плеханова в развитие культуры, науки и революционно-общественного движения России; аналогичные материалы появились в печати Западной Европы.

Согласно последней воле, Г. В. Плеханова похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петрограде, рядом с могилой В. Г. Белинского. В мае 1919 г. здесь же была похоронена В. И. Засулич, одна из основательниц Группы «Освобождение труда» и РСДРП.

⁵⁶ Соколов Б. Ф. Спасите детей! (о детях советской России). – Прага, 1921; Современный ребенок: Сб. ст. / Под ред. проф. К. И. Корнилова и Н. А. Рыбникова. – М., 1923; Маро. Беспризорные. – М., 1925; Зензинов В. Безпризорные. – Париж, 1929; Зубков Н. Ф. Э. Дзержинский. Биография. – М., 1974; Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы

общественных объединений. Осеню 1918 года с инициативой защиты детей выступил русский писатель В. Г. Короленко, призвавший создать «Лигу спасения детей»⁵⁷.

Но еще несколькими месяцами ранее было опубликовано составленное Розалией Марковной «Обращение к гражданам и товарищам Петрограда», в котором, помимо призыва к оказанию помощи детям и бездомным, сообщалось, что организационную работу она берет на себя⁵⁸. Вскоре к этим обязанностям добавились другие: вместе с коллегами ей пришлось заняться вакцинацией жителей Петрограда против холеры.

Вскоре Розалия Марковна оказывается вынужденной прервать работу в Петрограде: получив известие о болезни дочерей,

Советского государства с голодом (1921 – 1922). – Красноярск, 1988; Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: Сб. док. – М., 1995.

⁵⁷ Благодаря усилиям членов Лиги детские колонии и санатории стали появляться уже в конце 1918 г. Среди активистов Лиги значились Е. Д. Кускова, Е. П. Пешкова, С. Н. Прокопович, кн. Д. И. Шаховской и ряд других известных в стране деятелей. Советское правительство в январе 1919г. образовало Совет защиты детей, в 1921 г реорганизованный в Комиссию по улучшению жизни детей, во главе которой тогда же встал Ф. Э. Даэржинский.

⁵⁸ «Я обращаюсь к вам по делу, к которому должны отнести сочувственно все, без различия политических убеждений, социального положения и т. д., все, которым дороги дети и [1 сл. нрзб.] – эта надежда России, и пожилые, и старики, которым подача помощи есть элементарная нравственная обязанность людей. За короткое время моего пребывания в Петербурге я успела насмотреться на оборванных, голодных, протягив[ающих] руки для милостыни или тоскливо стоящих на тротуарах и не осмеливающихся обратиться с просьбою к прохожим. Я встретила юношу, безработного, истощенного, едва передвигающего ноги от слабости, который на мой вопрос, что с ним, сказал, что он три дня ничего не ел; я подобрала к себе на квартиру молодую девушку, работницу, которую нашла в глубоком обмороке от голода. Эти факты заставили меня краснеть от стыда. Как мы не можем позаботиться о том, чтобы этих ужасов не было на улицах. Верно, что всем тяжело живется, продовольствия нет, рынки пусты, но мы должны поделиться последним и положить конец этим ужасающим картинам смерти от холода и голода на наших глазах.

Мы должны устроить побольше площадок для голодных детей рабочих и интеллигенции и кормить хотя бы два раза в день, и мы должны организовать подачу первой помощи людям, падающим от голода на улицах Петрограда... .

Эту подачу первой помощи надо устроить так: в разных районах Петрограда должно иметься небольшое помещение; одна комната и кухня. В комнате одна-две постеленные кушетки, куда бы можно было на несколько часов уложить больную или больного. При квартире должна быть толковая сестра милосердия и должно иметься необходимое для подкрепления сил упавших. Адреса этих пунктов подачи первой помощи должны быть доведены до сведения публики постоянными плакатами на домах, где помещаются пункты, на углах улиц и в газетах. Важно иметь пункты, куда [можно – Т.Ф] завести умирающего от голода, так как деньгами, всовываемыми павшему от голода не поможешь, так как у него сил нет их пустить в употребление. Дело идет здесь о первой помощи.

Излишне доказывать, насколько неотложна организация этой первой помощи. Я на-деюсь, товарищи граждане, что вы, как я, стыдитесь этих явлений и отзоветесь сочувственно на мой призыв. Для площадок и пунктов нужны деньги, вещи, книги, игрушки, школьные аксессуары. Всякое действие будет благом. Адрес мой: Надежд[инская], 3, кв. 23. Р. Плеханова» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 12).

в ноябре 1918 года она отправляется во Францию. Однако путь в «город-светоч», «город Света», как часто в воспоминаниях Р. М. Плеханова называет Париж, оказался не только долгим, но и непростым: находясь в Стокгольме, она выступила в печати с критикой в адрес Франции, принимавшей участие в интервенции против России. Высказанная позиция была расценена как поддержка большевистского правительства и въезд в страну ей был запрещен. Потребовалось вмешательство депутатов-социалистов Альбера Тома⁵⁹ и Жюля Геда, неоднократные обращения друзей по Второму и Бернскому Интернационалам к французскому правительству, чтобы снять запрет, и лишь в 1920 году Р. М. Плеханова смогла приехать в Париж. Она внимательно следила за всем, что происходило в Советской России, и в одном из писем к Н. И. Иорданскому призналась: «Жить здесь, за границей, в сытости и тепле, и знать, что родина и близкие умирают от лишений – это настоящая мука. ... Если бы не это обстоятельство [болезнь младшей дочери Евгении Георгиевны – Т.Ф.], я бы не оставила Петрограда. Мне тем более тяжело было оставить его, что люди нужны были там, чтобы бороться с последствиями большевистских порядков [таких -Т. Ф.], как голод, эпидемии, смертность детей и т. п. Я вообще была того мнения, что надо оставаться работать и спасти то, что можно... всеми фибрами души стремлюсь на родину, главным образом, в Петроград, где я надеюсь еще поработать над разными учреждениями имени Плеханова»⁶⁰.

В июле 1921 года в России создается Всероссийский Общественный Комитет помощи голодающим, получивший право открывать филиалы за границей, и при Парижском Общественном Комитете помощи голодающим в России Розалия Марковна организует детские секции, сначала в Париже, а затем – в Берлине⁶¹.

Ликвидация санатория в Сан-Ремо, связанная с отъездом в Россию, а затем смерть Георгия Валентиновича поставили воп-

⁵⁹ В Национальном архиве Франции сохранились копии двух телеграмм Р. М. Плехановой от декабря 1918 г. с просьбой о помощи и два письма Альбера Тома, адресованных Управляющему канцелярией при Президенте Национального совета Франции С. Менделю и сотруднику Министерства иностранных дел Франции г-же Менандсен. В документах содержатся разъяснения Тома по поводу инцидента в Стокгольме и отношения Г. В. Плеханова к большевикам (ANF. 94 AP/407. Papiers de Al. Thomas).

⁶⁰ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1-1 об. РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1 – 2.

⁶¹ В списках членов Комитета значатся 126 человек, и среди них, к примеру, мы находим видных социал-демократов, социалистов-революционеров, кадетов, людей, ранее принадлежавших к народническим кругам, бывших членов Временного правительства

рос о необходимости «работать для хлеба»⁶², и вместе со старшей дочерью Р. М. Плеханова устраивает небольшой санаторий («кроватей на 15») в Булони, в котором, так же, как и в Сан-Ремо, нередкими гостями были русские политэмигранты⁶³.

В этот же период семья начинает поистине титаническую работу по восстановлению целостности архива Плеханова и сбору материалов, связанных с его творчеством и революционной деятельностью. Друзья и единомышленники Плехановых обращаются к русским политэмигрантам за финансовой поддержкой издания посмертного сборника статей Г. В. Плеханова⁶⁴ и изыскивают возможности для транспортировки в Париж, хранившихся в Женеве и Сан-Ремо архива и библиотеки Георгия Валентиновича.

От имени Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова рассылаются письма к корреспондентам Плеханова и запросы в архивы, государственные и общественные организации стран Западной Европы, группы и объединения российской политической эмиграции с просьбой передать оригиналы или копии имеющихся документов⁶⁵. Тогда же встал вопрос о последующем размещении архива и библиотеки Плеханова. Семья получает лестные выгодные предложения от частных покупателей, исследовательских учреждений, включавших французские *Musee social* и *Institut des etudes slaves*; наследникам советуют продать литературное наследие Плеханова или временно переместить его в Прагу, где в то время располагался Русский заграничный архив.

Среди учреждений, обращавшихся с просьбой о передаче архива и библиотеки Плеханова, был и московский Институт

и французских социалистов: Н. Д. Авксентьев, Д. А. Аитов, П. Б. Аксельрод, И. И. Бунаков-Фундаминский, М. М. Винавер, М. В. Вишняк, С. О. Загорский, О. С. Минор, кн. Г. Е. Львов, А. С. и П. Н. Милюковы, С. О. Португейс, И. А. Рубанович, М. Муте и Ж. Северак (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 638). В архиве Р. М. Плехановой сохранилось свыше тридцати документов, относящихся к деятельности Комитета.

⁶² РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 443. Л. 2.

⁶³ Знаменитая участница народнического движения 1870-х гг., одна из организаторов боевой партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковская после отдыха в санатории в 1921 г писала Розалии Марковне: «Ваше дружеское отношение навсегда установило чувство доверия и близости, позволяющее и в будущем смотреть на ваш дом как на близкий моему сердцу; оно сохранит в себе навсегда и доброе воспоминание, и глубокую благодарность. Нет ничего ценнее и радостнее, как доверие и взаимное уважение. Спасибо Вам» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 103. Л. 1).

⁶⁴ Двухтомник «Год на родине», в состав которого вошли статьи и выступления Георгия Валентиновича за 1917 – 1918 гг., в 1921 г. вышел в издательстве Я. Е. Поволоцкого в Париже.

⁶⁵ Благодаря обширным связям и дружбе с известными политическими и общественными деятелями России и Западной Европы, деятелями культуры и искусства, Розалии Марковне удалось сосредоточить в Доме Плеханова в оригиналах и копиях почти 90% ныне учтенных документов Плеханова.

тут Маркса-Энгельса. Его представители, как специально командировавшиеся с этой целью во Францию, так и те, кто по заданию созданных в Советском Союзе исследовательских институтов занимался за границей сбором материалов по истории партии и революционного движения, неоднократно повторяли эту просьбу Советского правительства, высказанную от имени В. И. Ленина еще в августе 1918 года.

В соответствии с завещанием Георгия Валентиновича, все имущественные права, включавшие права на будущие издания его трудов, личные архив и библиотеку переходили в наследство его вдове Р. М. Плехановой, и дочерям Л. Г. Плехановой и Е. Г. Бато-Плехановой. Предложение Советского правительства об издании трудов Плеханова было принято, и первые публикации работ стали появляться уже в 1919 году, однако просьба передать архив и библиотеку Советской России не просто осталась безответной: на нее был получен категорический отказ. Его причиной стали трагические воспоминания о событиях 1917 года, виновниками которых Розалия Марковна считала большевиков.

Архив Плеханова, содержащий рукописи работ и богатую переписку с деятелями культуры, искусства и науки России и зарубежных стран, документы по истории российского и международного рабочего и общественного движения вместе с библиотекой на восемнадцати языках, насчитывавшей почти 16000 томов, остались в Западной Европе.

В 1922 году по заданию Института Маркса-Энгельса в Париж отправился Л. Г. Дейч – близкий друг и соратник Георгия Валентиновича, один из основателей группы «Освобождение труда». Видный участник социал-демократического движения России, Лев Григорьевич особенно близко сотрудничал с Георгием Валентиновичем в последние годы его жизни.

Официальной целью поездки было оказание помощи в разборе архива Плеханова, однако миссия Л. Г. Дейча на этом не заканчивалась: ему предстояло еще раз повторить просьбу и попытаться убедить наследников Георгия Валентиновича передать архив и библиотеку Советскому государству⁶⁶.

Летом 1924 года, по приглашению Государственного издательства Р. М. Плеханова приезжает на родину и в мае 1925 года

⁶⁶ Как свидетельствуют сохранившиеся документы, поездка оказалась весьма нелегкой и удалась не полностью: участие в разборе архива заняло почти год, а роль посредника была выполнена лишь частично. Получить согласие Р. М. Плехановой на передачу архива и библиотеки Советскому Союзу Лев Григорьевич так и не смог,

подписывает договор о выпуске всех неизданных работ Плеханова на основе представляемых ею оригиналов или фотокопий архивных документов.

Поездка оставила в душе Розалии Марковны тягостное впечатление: тяжелое экономическое положение страны, состояние угнетенности, владевшее людьми; насилиственное, как находила Розалия Марковна, отторжение интеллигенции от общества, преследование и изгнание ее части из России⁶⁷. Эти впечатления еще более усилились, когда вскоре после смерти В. И. Ленина 21 января 1924 года в советской периодической печати стали появляться статьи, в качестве авторов которых выступили известные общественные и партийные деятели, соратники Ленина по недавнему революционному прошлому, маститые и начинающие исследователи. Материалы, включавшие научные статьи, очерки и воспоминания, содержали анализ жизни и деятельности Владимира Ильича, его исторической роли руководителя и теоретика рабочего движения в сопоставлении с «делами и днями» тех, кто в определенные – исторически значимые – моменты оказывался идейным и политическим, если и не противником, то, во всяком случае, оппонентом Ленина. И наиболее яркой личностью, способной оттенить и подчеркнуть достоинства В. И. Ленина – политика, теоретика и человека, мог быть только Г. В. Плеханов: в отечественной и международной общественной жизни начала XX века они являлись самыми представительными фигурами.

Именно в тот период в научной и публицистической литературе стали проявляться тенденции к мифологизации как Ленина, так и Плеханова⁶⁸. Было бы неверно утверждать, что издававшиеся работы являлись частью задуманной кем-то кампании по апологетике Владимира Ильича или намеренной дискредитации Георгия Валентиновича. Тем не менее, количество и ангажированность публикаций, стремление авторов подчеркнуть но благодаря его усилиям удалось решить вопрос о публикации государственным издательством материалов из архива Плеханова в сборниках «Группа «Освобождение труда», выходивших под независимой редакцией Л. Г. Дейча и при участии Р. М. Плехановой; с 1923 г. – параллельно тремя тиражами – ГИЗ начал печатать «Сочинения» Г. В. Плеханова; его отдельные статьи публиковались в периодических изданиях и тематических сборниках. О работе Л. Г. Дейча с Парижским архивом см.: Дейч Л. Г. О литературном наследстве Г. В. Плеханова и В. И. Засулич // Пролетарская революция. – № 1 (13). – 1923. – С. 382–384; См. также РНБ АДП. Ф. 1097. Ед хр. 227. Л. 5; Ед хр. 430-431, 1087.

⁶⁷ См.: Плеханова Р. М. Критические заметки Р. М. Плехановой. Писано в 1925 г. в первый свой приезд на Родину / Публ. Т. И. Филимоновой // Кентавр. -1992.- Сентябрь-октябрь.-С. 143-158.

⁶⁸ См.: Филимонова Т. И., Аркущенко Т. А. Указ. соch.

и противопоставить непреходящую историческую значимость В. И. Ленина «исторической ограниченности» и «интеллектуальному одряхлению» Г. В. Плеханова оставляли ощущение заданности и не могли не оскорблять память Георгия Валентиновича, чувств Розалии Марковны и друзей семьи Плехановых. Вскоре после церемонии открытия 4 мая 1925 года памятника Плеханову в Ленинграде Розалия Марковна вновь, уже в третий раз, вынужденно покидает родину...

Однако ситуация в Советской России и вокруг нее, дальнейшая судьба страны по-прежнему остаются предметом ее долгих и мучительных размышлений. Среди бумаг Розалии Марковны можно найти отдельные замечания, планы задумывавшихся ею статей, в которых она намеревалась изложить собственные впечатления от поездки домой, в Ленинград, от всего того, что одновременно и притягивало, рождая надежды, и отталкивало, не позволяя принять принципиального для нее решения: где жить и где, следовательно, хранить архив? Во Франции, с семьей, или в Советском Союзе, где был похоронен Плеханов, где существовала его мемориальная комната⁶⁹, кабинет его имени в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса⁷⁰ где издавались, а значит, полагала она, были востребованы его труды? В переписке Розалии Марковны тех лет и с теми, кто оставался на родине, и с теми, кто избрал для себя судьбу эмигранта, почти неизменно присутствовал один сюжет: Россия, ее будущее.

Дополнением к цитированному выше письму Н. И. Иорданскому служит запись Р. М. Плехановой, сделанная, вероятно, в 1924 – 1925 годах, которая объясняет мотивы возвращения домой и демонстрирует ее понимание личной ответственности за судьбу страны: «Наблюдая жизнь на Родине, я все больше и больше убеждаюсь, что Г. В. Плеханов был прав, тысячу раз прав, убеждая и проповедуя, что диктатура пролетариата была преждевременна для России, что пролетариат еще недостаточно соизнательный в своей массе для этого переворота, что соц[иальный] переворот при еще слаборазвитых экономических [ких] отношениях отодвинет русский народ назад... Эти наблюдения утверждают

⁶⁹ Мемориальный кабинет Г. В. Плеханова, в котором хранились его вещи, книги и траурные венки в течение десяти лет – вплоть до открытия в 1928 г. Дома Плеханова – располагался в одной из комнат бывшего Большо-экономического Общества.

⁷⁰ Директором кабинета Г. В. Плеханова являлся В. А. Тер-Ваганян – один из первых авторов научной биографии и первых библиографов Плеханова // Крылов В. В. Имя, изъятое из энциклопедии (О В. А. Тер-Ваганяне. – Советская библиография. – 1990. – № 3. – С. 61–71; Петренко Е. Л. О неизданной библиографии трудов Г. В. Плеханова // Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований: VII Плехановские чтения. 30 мая – 1 июня 2005. – СПб., 2005. – С. 121–125.

меня в моем давнишнем убеждении, что мы все должны объединиться вокруг руководителей судьбами дорогой нам Родины и употребить все наши силы на помощь русскому народу выйти из тяжелого положения, в которое его поставили его собственные ошибки»⁷¹.

В июне 1927 года Розалия Марковна принимает решение о возвращении на родину и обращается к правлению Государственной публичной библиотеки в Ленинграде с предложением принять в дар архив и личную библиотеку Г. В. Плеханова. Уже весной 1928 года были доставлены архив, библиотека, художественные коллекции и обстановка рабочего кабинета Георгия Валентиновича в Женеве для последующего размещения в Ленинграде.

В качестве хранилища была выбрана Государственная публичная библиотека – «Alma Mater», духовный источник, из которого, по словам Р. М. Плехановой, в период революционного становления Георгий Валентинович черпал знания для теоретической работы и практической работы.

Наследники Плеханова передали дар Советскому Союзу при условии, что он никогда не подвергнется разобщению и будет храниться при Публичной библиотеке в отдельном помещении. Правление Публичной библиотеки, приняв условия жертвователей, при поддержке правительства выделило средства для строительства специального помещения и организации

⁷¹ РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 1; выд. – Т.Ф. Эти строкиозвучны мыслям Г. В. Плеханова, высказанным в статье «А все-таки движется!», с которой в декабре 1917 г. он обратился к членам правления Петроградского политического клуба «Рабочее знамя». Узнав из открытого письма, опубликованного в газете «День» (1917, № 222) о том, что его избрали членом правления, Георгий Валентинович поблагодарил их за честь и добавил: «Глубоко скорбя об его [пролетариата – Т. Ф.] ошибках [имеется в виду приход большевиков к власти 25 октября 1917 г. – Т. Ф.], от которых жестоко пострадала вся страна, – а прежде и больше всего он сам, – будем, по мере наших сил, разъяснить ему правильный способ действий.

Я очень хорошо знаю, что это совсем не легкая задача. Людям, берущимся за ее решение, нередко придется услышать резкое слово порицания и даже, может быть, физически пострадать от тех, просветить которых они стремятся. Но с этим надо заранее примириться. Кто берется просвещать сознание рабочего класса, тот заранее должен быть осведомлен о том, что он выступает на ту дорогу, на которой его ждет больше терний, чем рукоплесканий.

А главное, будем помнить, что с каким бы недоверием ни относились к нам бессознательные, – пока еще, увы! слишком многочисленные, – рабочие, они были и остаются нашими братьями, просвещению которых, каждый из нас обязан служить до последнего часа своего изздыхания.

Чернышевский говорил когда-то: пусть будет, что будет, а будет все-таки на нашей улице праздник. И мы имеем полное право с твердой и спокойной уверенностью повторять эти гордые слова великого и благородного русского социалиста (См.: Год на Родине. Т. 2 С. 252).

нового библиотечного подразделения. Для обеспечения его работы библиотека выделяла особый штат научных сотрудников и открывала специальный валютный счет для приобретения документов и литературы⁷². Строительные работы и оборудование Дома Плеханова, построенного на фундаменте флигеля ВЭО завершились к весне 1931 года.

11 июня 1929 года в Актовом зале бывшего ВЭО состоялось торжественное открытие Дома Плеханова. В приветственной телеграмме президент АН СССР академик А. П. Карпинский отмечал, что «Организация Дома является лучшей данью светлой памяти Георгия Валентиновича – тонкого мыслителя и замечательного теоретика-исследователя, чьи труды являются таким заметным этапом в истории развития социалистической мысли. Академия Наук, всегда с особым вниманием относящаяся к каждому начинанию, приближающему науку к массам, горячо приветствует создание Дома Плеханова и надеется, что в его стенах, полных воспоминаниями о славном деятеле и ученом, закипит новая работа в тесном единении с рабочими массами и рабочей молодежью»⁷³.

⁷² В 1925 – 1928 гг. правление Публичной библиотеки на своих заседаниях неоднократно рассматривало вопрос об условиях передачи архива и библиотеки Г. В. Плеханова в дар ГПБ и статусе Дома Плеханова. В проекте «Положения о Доме Плеханова», выработанном правлением Публичной библиотеки и Комитетом по увековечению памяти Г. В. Плеханова, указывалось, что Дом Плеханова будет существовать в качестве Института по изучению истории общественной мысли и рабочего движения в специально выстроенном помещении (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 197. Л. 4 об, Ед. хр. 133. Л. 8 об; РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 813).

Проект положения не был утвержден в том виде, в каком задумывался. Как отмечалось в решении правления библиотеки, необходимо было избежать параллелизма с уже существовавшим в то время Институтом Маркса-Энгельса (РНБ АДП. Ф. 1094. ОП. 1. Ед. хр. 732. Лл. 1-22).

В 1929 г. статус Дома Плеханова официально закрепляется принятymi Советским правительством документами. Так, в «Положении о Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде» статус Дома Плеханова определялся следующим образом: «§ 8. При Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде могут существовать филиальные отделения, которые в научном и библиотечно-техническом отношениях объединены с основными собраниями библиотеки и, будучи в порядке административном вполне подчиненными управлению последней, выполняют определенные его задания. Примечание: В качестве таковых филиальных отделений являются: ...5-е отделение – Дом Плеханова (архив и библиотека Г. В. Плеханова)» (См.: Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР от 29 июня 1929 г. – № 26-а. М., 1929. Данное положение утверждено Коллегией Народного комиссариата просвещения 9 мая 1929 г.).

В силу специфики статуса и функций, возложенных на Дом Плеханова, сотрудники библиотеки шутливо именовали его «иностранный концессией на территории ГПБ» (Коц Е.С. Указ. соч.).

⁷³ «Исторический архив». – №2. – 1998. – С. 8.

Организации и деятельности Дома Плеханова Розалия Марковна, ставшая его заведующей в 1928 году, посвятила последние 20 лет своей жизни⁷⁴.

Архив и библиотека для нее были не только памятью о дорогом и близком человеке, но и средством распространения и пропаганды идей Г. В. Плеханова⁷⁵, а, следовательно, и продолжением дела, которому Георгий Валентинович посвятил всю жизнь – просвещение и воспитание народа.

Уже к моменту открытия в Дом Плеханова были переданы архивы В. И. Засулич, А. И. Любимова, А. Ф. Бурьянова, в 1946 году поступил архив Л. Г. Дейча. Позднее его фонды пополнились материалами самой Розалии Марковны, а также

⁷⁴ Этот пост Р. М. Плеханова занимала до своей кончины 30 августа 1949 г. В августе 1939 г. она выехала во Францию с тем, чтобы провести отпуск в кругу семьи, однако начавшаяся 1 сентября того же года Вторая мировая война не позволила ей вернуться в Ленинград. Несмотря на это, формально должность заведующей Домом Плеханова оставалась за ней. Лишь годы Великой отечественной войны (1941 – 1945) на некоторое время прервали деловую и дружескую переписку Розалии Марковны с сотрудниками Дома Плеханова, возобновившуюся сразу после Победы.

⁷⁵ Помимо упоминавшихся изданий, выпущенных при непосредственном участии Р. М. Плехановой, вскоре после открытия Дома его сотрудники приступают к работе над сборниками «Литературное наследие Г. В. Плеханова» (1934 – 1940), публикация которых была прервана Великой отечественной войной на VIII томе. В редакционную коллегию входили А. В. Луначарский, Ф. Д. Кретов, П. Ф. Юдин, М. Т. Иовчук, Р. М. Плеханова. Параллельно с этой работой велась подготовка к печати «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова»; шли переговоры и подписывались соглашения с Соцэкизом и Госполитиздатом (1937 – 1939 гг.) о выпуске «Избранных философских сочинений» в восьми томах, однако реализовать эти планы удалось лишь после Великой отечественной войны (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 800, 808). В последующие годы коллектив сотрудников Дома Плеханова разных поколений в содружестве с академическими институтами страны осуществил ряд изданий фундаментального характера из творческого наследия Г. В. Плеханова и его соратников: сборники «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова» (в трех томах; М., 1973 – 1974), «Избранные философские произведения Г. В. Плеханова» (в пяти томах, М., 1956 – 1958); «Пометы Г. В. Плеханова на книгах его библиотеки» (в трех томах, Л., 1974 – 1990); «Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1883 – 1903» (М., 1984). По договору со Стэнфордским университетом (США) выполнены перевод и издание книги С. Х. Бэрона «Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма» (СПб., 1998). На основе архивных материалов Дома Плеханова изданы монографии и исследования: Иовчук М. Т., Курбатова И. Н. Плеханов (М., 1977), Чагин Б. А., Курбатова И. Н. Плеханов (М., 1973), Курбатова И. Н. Начало распространения марксизма в России: литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» (М., 1983); А. С. Бережанский. Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму (Воронеж, 1990); О. К. Цапиева. Георгий Плеханов: экономические взгляды (М., 1991) и Г. В. Плеханов и экономическая мысль Запада (М., 1992); С. В. Тютюкин. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста (М., 1997). За последние два десятилетия Дом Плеханова издал более 50 печатных листов архивных документов. Семидесятилетию образования Дома Плеханова был посвящен юбилейный выпуск журнала «Исторический архив» – второй номер за 1998 г., часть подготовленных для этого проекта материалов была опубликована в третьем номере того же журнала.

таких общественных деятелей России, как А. А. и М. Н. Слепцовы, С. М. Гинсбург, Н. В. Васильев, И. С. Книжник-Ветров, Г. А. Гершуни, С. П. Швецов, Н. С. Русанов, П. П. Маслов, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, П. И. Люблинский и др⁷⁶. Часть документов вместе с необходимыми комментариями широко публиковались в периодической печати того времени, вызывая научные и читательские дискуссии.

Издательская деятельность Дома Плеханова протекала сложно: по завершении работы над очередным томом требовалось согласование всех поправок, внесенных Р. М. Плехановой и московской частью редакции. Окончательно принять можно было только те формулировки и положения, которые устраивали обе стороны. Принимавшая участие в подготовке материалов к публикации Е. С. Коц вспоминала, что в тех случаях, когда Розалия Марковна находила, что высказанные редакцией оценки задевали революционную честь Плеханова или его авторитет теоретика марксизма, проявлявшаяся ею непреклонность требовала немало усилий для выработки общих подходов ⁷⁷. Ситуация была настолько напряженной,

⁷⁶ В тридцати девяти архивах и коллекциях сегодня сосредоточены материалы по русской и зарубежной истории, философии, литературе и литературоведению, экономике, праву, широко представлен разнообразный иконографический материал. В последние годы в Дом Плеханова поступают документы известных отечественных и зарубежных исследователей творческого наследия Г. В. Плеханова, историков общественного движения России, современных политических партий и объединений.

⁷⁷ Так, в ходе подготовки писем и примечаний к X сборнику «Литературного наследия Г. В. Плеханова» (1940 г.) Розалия Марковна указывает на отсутствие нескольких писем, имевших, с ее точки зрения, принципиальное значение для понимания ситуации, и настаивает на необходимости их включения. Отвечая на замечания Е. М. Ярославского, указавшего на отход Г. В. Плеханова от марксистских позиций, Р. М. Плеханова дает следующие разъяснения «...Плеханов не изменил своему прошлому и до последних дней своей жизни стоял, как во время революции 1905 г., так и в 1917 г. за то, что пролетариат ... играть роль гегемона, быть «освободителем по преимуществу», как он выражался. Диктатуру пролетариата он считал тогда преждевременной. Плеханов не изменил и в вопросе о «национализации земли». Он считал, что его [требование – Т. Ф.] надо выставить во время пролетарской революции, а не буржуазной, т. к., в случае реставрации, земля может сделаться орудием порабощения крестьянства. Этот взгляд не противоречит мыслям, высказанным в его работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Тут надо взять во внимание исторические условия. В 1906 г. он говорил после неудавшейся первой революции, поэтому настаивал на том, что не следует давать оружие силам, враждебным пролетариату, в случае реставрации, имевших возможность им воспользоваться» (РЦХИДНИ Ф. 264. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 11; подч. – авт.; выд. – Т. Ф.).

«После ее прочтения и редакции в сборники вносились поправки и дополнения к комментарию, иногда очень ценные, поскольку она располагала сведениями, которые нельзя было перенести из каких-либо печатных источников» // Коц Е. С. Розалия Марковна Плеханова. Машинопись. -Л., 1949. – С.27-28.

что некоторое время Розалия Марковна размышляла над тем, чтобы осуществить свой замысел во Франции, и ею в этом направлении были предприняты некоторые шаги⁷⁸.

Будучи человеком твердой воли и сосредоточенной энергии, стиснув зубы, без слез, она встречала удары, выпадавшие на ее долю. И, может быть, эта черта, внушавшая к ней уважение окружающих⁷⁹, заставляла при принятии определенных решений учитывать ее мнение. В одном из писем к давнему другу семьи и ученице Георгия Валентиновича Л. И. Аксельрод она писала: «Работаю много. Если бы не одиночество моральное, я чувствовала бы себя хорошо. Одно время меня крайне волновали грубые выходки «не помнящих родства» по отношению к памяти Ж[оржа], но теперь я стараюсь отнестись к этим выпадам как к чему-то ненормальному, временному и стараюсь не реагировать на них. Это немного трудно, но надеюсь восторжествовать над страданиями, которые мне причиняет разгул плехановских критиков»⁸⁰. И она продолжает работу, иногда публикуя в центральной печати «открытые письма», когда, по ее собственному выражению, она была «не в силах больше молчать» и делала «вынужденные заявления» в советской и иностранной печати⁸¹.

⁷⁸ Р. М. Плеханова подала в соответствующие инстанции заявление о разрешении на вывоз во Францию ряда документов и книг, необходимых для работы над литературным наследством Г. В. Плеханова (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 603; История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М.; РОССПЭН, 1997. – С.467–68).

⁷⁹ Коц Е. С. Указ. соч. – С. 30.

⁸⁰ Плеханова Р. М. «Теперь мы переживаем период ревизии Плеханова...» / Публ. Т. И. Филимоновой // Исторический архив. – 2002. – № 2. – С. 61.

В фонде Ленинградского ОК ВКП (б) сохранились агентурные сообщения от 1 и 2 октября 1938 г. о работе Дома Плеханова и подготовке к публикации в журнале «Исторический архив» документов 1900 – 1904 гг. о переговорах о возможном сотрудничестве между членами редакции газеты «Искра» и П. Б. Струве.

Р.М.Плеханова, по сообщению агента, была обеспокоена, что после выхода в 1929 г. «Краткого курса истории ВКП (б)» «ситуация резко изменилась в худшую для Плеханова сторону, но что вместе с тем издательски-насмешливый тон «Краткого курса» по отношению к Плеханову не может оставаться не отмеченным, и она решила усилить борьбу, но, вместе с тем, усилить осторожность» // Бондаревская Т. П. Сазонова И. И. Материалы ЦГАИПД (СПб.) о Г. В.Плеханове. – III Плехановские чтения.– СПб, 1993. – С.22 – 23.

⁸¹ Эти названия носили нек оторые из ее статей. В тех случаях, когда бравшиеся за изложение теоретических взглядов Плеханова или интерпретацию его деятельности авторы проявляли полное незнание или непонимание предмета, Розалия Марковна могла позволить себе без излишних экивоков оценить уровень предпринятых ими «усилий». Так, одна из ее рецензий на материалы газеты «L'Humanité», выступившей с критикой позиции Плеханова в последние годы жизни, была озаглавлена «Monsieur Monatte et le crétinisme fractionnaire» («Господин Монат и фракционный кретинизм») (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 70).

Воспитать народ в уважении к соотечественникам и предшественникам, привить любовь к стране, помочь каждому человеку стать гражданином и патриотом, выработать сознание необходимости личного участия в общественной жизни с тем, чтобы постоянно изменять ее к лучшему, – вот та задача, которую ставила Розалия Марковна перед собой и Домом Плеханова. Издание сборников документов из архива Дома Плеханова, участие в этой деятельности друзей и соратников по революционной борьбе позволяло им – уже в новых исторических условиях, новыми средствами и во имя решения новых, гораздо более сложных, задач – продолжать начатую ими несколькими десятилетиями назад революционную работу. Публиковавшиеся материалы предоставляли широкому кругу читателей возможность понять и оценить благородство идей и целей, гуманистический смысл общественно-политической деятельности не одного Г. В. Плеханова, но всех тех, кто когда-то избрал для себя трудную судьбу революционера. Именно на этом поприще, по мнению Розалии Марковны, и следовало концентрировать усилия единомышленников. Следует признать, что Розалия Марковна не ошиблась в своих расчетах: все издававшиеся Домом Плеханова материалы очень скоро попадали в разряд биографических раритетов, а читатели, служащие, студенты и рабочие, забрасывали издательства письмами с просьбой об их переиздании. Последнее положение не страдает преувеличением: в центральных газетах 1930-х годов эти письма-требования были отнюдь не единичными⁸².

Несмотря на то, что изменения, происходившие в мире под воздействием «вставшего на дыбы человечества», не раз заставляли Розалию Марковну размышлять о цене, которую платили люди за свое великое будущее,⁸³ ее мироощущение, по воспоминаниям коллег и друзей, было лишено пессимизма. В одном из писем 1936 года коллегам по Дому Плеханова Розалия Марковна писала: «Будем надеяться, что наступит новая эра – эра светлых, солнечных дней для всего человечества. Увы, я навряд ли доживу до этого, но вы все, все еще молодые, увидите грядущие светлые дни и сможете гордо, как и вся наша прекрасная родина, сказать себе: «Я там была, и моя маленькая лепта там имеется». Пока тяжело на душе от всего происходящего (имеется в виду гражданская война в Испании – Т. Ф.), и я стремлюсь всеми силами в страну свет-

⁸²⁸³ Кон Е. С. Указ. соч. – С. 28.

лых надежд и сверхчеловеческих усилий к лучшему, прекрасному, я уверена, будущему»⁸⁴.

21 августа 1939 года Розалия Марковна выехала во Францию, чтобы провести отпуск в кругу семьи, еще не зная о том, что вернуться на родину она никогда более не сможет⁸⁵. Все последующие годы, включая период войны, она провела в семье дочери Лидии Георгиевны и ее мужа, известного врача-психиатра, Анри Ле Савуре⁸⁶.

По окончании войны начались хлопоты, связанные с возвращением Р. М. Плехановой на родину. 2 июня 1946 года она обращается в дирекцию ГПБ с просьбой привести в порядок Дом Плеханова, куда в октябре 1945 года из эвакуации были возвращены фонды⁸⁷. В ответном письме директор библиотеки

⁸⁴ Там же. – С. 31.

⁸⁵ Существует легенда об обстоятельствах отъезда Р.М.Плехановой из Советского Союза. Ею однажды поделился внук Г. В. Плеханова и Р. М. Плехановой Клод Эмиль Бато. По его словам, Розалия Марковна состояла в личной переписке с И. В. Сталиным, не всегда носившей лицеприятный характер. На правах старого товарища по партии Р. М. Плеханова позволяла себе прямо писать о том, что ей казалось неверным и требовало, как она считала, определенных изменений. На одно из таких писем достаточно долго не приходил ответ, одновременно по каким-то причинам оставался безответным ее запрос о выдаче визы для выезда во Францию. Последнее обстоятельство заставляло Плеханову нервничать, что видно из переписки того периода. Письмо от И. В. Сталина пришло неожиданно. В нем, по утверждению Клода Бато, содержались не только ответы на заданные вопросы, но и указывалась дата ее отъезда – 21 августа, – и название парохода («Сибирь»), на котором Розалии Марковне предстояло добраться до Гавра. Шесть дней спустя после прибытия Р. М. Плехановой во Францию началась Вторая мировая война.

О том, насколько эта история подлинна, судить пока трудно, поскольку писем И. В. Сталина в архиве Р. М. Плехановой не сохранилось. По словам Клода Бато, вскоре после смерти Иосифа Виссарионовича в 1953 г. его корреспонденция к Р. М. Плехановой при загадочных обстоятельствах исчезла из парижской квартиры, где хранился семейный архив Бато-Плехановых.

Несколько фактов обращают на себя внимание. Первый (и он документально подтверждается) состоит в том, что каждый раз, покидая Дом Плеханова, Розалия Маркова всегда увозила с собой наиболее ценную для нее часть личной переписки.

Известно, что частную корреспонденцию И. В. Сталин вел самостоятельно, обходясь без помощи секретарей, и потому можно принять утверждение К. Бато о том, что письма, о которых идет речь, если таковые существовали, действительно были написаны лично Иосифом Виссарионовичем.

Ситуация с ограблением квартиры Бато-Плехановых предстает одновременно и необычной, и, в определенной мере, достоверной, если принять во внимание, что единственной пропажей оказались письма Иосифа Виссарионовича...

Е. Г. Бато-Плеханова и ее муж Э. Бато обратились в полицию с заявлением о краже, но там отказались предпринять какие-либо меры по розыску преступников.

⁸⁶ Фрагмент воспоминаний Р. М. Плехановой о жизни в оккупированной Франции под названием «Я глубоко страдаю за французский народ» был опубликован Н. А. Саниковым в журнале «Исторический архив» (1988, № 2. С. 179 – 206).

⁸⁷ 6 июля 1941 г. СНК СССР принял решение об эвакуации в г. Мелекес наиболее ценной части книжных и архивных фондов ГПБ, в число которых были включены и материалы Дома Плеханова. В октябре 1945 г. сотрудники Дома начали работы по

Л. Л. Раков сообщал о восстановительных работах в Доме после блокады и о возобновлении издания «Литературного наследия Г. В. Плеханова»⁸⁸.

15 (п. ст.) мая 1946 года Розалии Марковне исполнилось 90 лет, и время, уходившее на необходимые формальности и ожидание известий из Ленинграда, тянулось для нее мучительно долго. В письме в Дом Плеханова от 26 мая 1947 г. она сообщала: «Давно не получаю никаких известий ни от Вас, ни от Евгении Эрастовны, ни от Елены Семеновны [сотрудницы Дома Плеханова – Т.Ф.] Я жду ответа [на вопрос о возможности вернуться в СССР – Т.Ф.], который, по уверению советского консула, будет, несомненно, положительным. [...]】

Стремлюсь я к вам, мои дорогие, всей душой. «Дом Плеханова» мне чрезвычайно дорог. Как идет починка его и приведение его в порядок? Надо чтоб к моему приезду он был в полном порядке, чтоб стекла были вставлены, центральное отопление приведено в полный порядок. [Чтобы -Т. Ф.] кабинет Плеханова был приведен, если он не окончательно разрушен, в порядок, чтобы я могла в нем работать, не рискуя заболеть. Я теперь чувствую себя лучше, но силы прежние еще не вернулись». [...]

Р. [S.] Жду дальнейших листов библиографии [Г. В. Плеханова – Т. Ф.]⁸⁹.

Приняв решение о возвращении на родину, Розалия Марковна говорила дочерям, что ей нужно еще три года, только три года, чтобы выполнить задачу, которую она перед собой поставила... Этих лет ей судьба не отвела. По мнению Евгении Георгиевны, Розалия Марковна пережила душевную драму, когда поняла, что здоровье уже не позволит ей проделать путь домой⁹⁰. 30 августа 1949 года в 5. 30 вечера Р. М. Плехановой не стало. О последних месяцах ее жизни рассказала Л. Г. Савуре-Плеханова в письме к А. Л. Боришпольской, одному из близких друзей семьи и члену небольшого кружка, сложившегося вокруг Розалии Марковны за десять лет работы и жизни в Доме Плеханова:

рэзакуации фондов: прием, расстановку и проверку документов (ЦГАЛИ СНб. Ф. 97. Оп. 3. Ед. хр. 594. Л. 3; Там же. Ед. хр. 1052. Л. 33). Уже в годовом отчете Дома Плеханова за 1945 г. указывалось, что подразделение перешло на обычный режим работы и приступило к обслуживанию читателей (Там же. Ед. хр. 1119. Л. 1 об.).

⁸⁸ РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 814; Там же. Ед. хр. 816.

⁸⁹ Розалия Марковна Плеханова – Т. З. Лукашевской. (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 1). Копия письма, заверенная печатью ГПБ и подписью секретаря дирекции ГПБ. Сохранены подчеркивания Р. М. Плехановой.

⁹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Дело 219. Л. 13.

«Долина волков
Шатене-Малабри
Сена
29 сент. [19]49

Дорогая Нюра,

Нужно ли Вам говорить о том, сколько я думаю о вас все это время? Я видела маму все более и более слабеющей, и, несмотря на это, она была преисполнена мыслью о возвращении на родину. Если бы была малейшая возможность выполнить это, мы бы это сделали. Но вот уже больше года она с трудом передвигалась. Со своей несокрушимой энергией она старалась ежедневно под руку с кем-нибудь обойти несколько раз свою комнату. Она мечтала вернуться в Ленинград самолетом, если бы путешествие по железной дороге оказалось для нее невозможным. Она боролась всеми силами с проявлениями старости, не допуская мысли, что может прекратить выполнение своего долга, и не считая, что наступил час отдыха. Я и Женя восхищались сосредоточенностью ее лица даже в самые последние дни, когда она читала и перечитывала работы нашего отца.

Дорогая Нюра, вряд ли Вы представляете себе, как она любила вас всех, думала о вас, как она хотела быть возле вас и разделять вашу жизнь. К счастью, мама не страдала. Она болела воспалением легких, и нам казалось, что ее состояние, благодаря применению пенициллина, должно было улучшиться. Однажды вечером она заснула и не проснулась.

Исполняя ее желание, мы кремировали ее, и останки будут отправлены в Ленинград для захоронения на Волковом кладбище⁹¹. Таким образом, она еще будет около вас. [...]

Нежно Вас обнимаю,

Лидия»⁹².

Исследователи творчества и биографы Г. В. Плеханова отмечают особую роль, которую Розалия Марковна сыграла в его судьбе. Однако в ее отношении к мужу никогда не было жертвенности. И не только потому, что ее вряд ли принял бы Георгий Валентинович. Как было показано выше, служение народу являлось для нее таким же нравственным императивом,

⁹¹ Захоронение урны с прахом Розалии Марковны в могилу Г. В. Плеханова состоялось 13 июня 1951 г. (РНБ АДПФ. 1094. Оп. I. Ед. хр. 995. Л. 1).

⁹² РНБ АДПФ. 1094. Оп. I. Ед. хр. 998. Л. 1 – 1об.

как и для Плеханова. Тот факт, что в самый тяжелый период для Плеханова – в годы становления группы «Освобождение труда» в качестве лидера российского революционного движения, времени формирования семьи и семейного уклада Плехановых – Розалия Марковна взяла на себя ответственность за решение проблем, связанных с официальным статусом семьи в Швейцарии, вопросов финансового характера⁹³, свидетельствует о том, что их супружеский союз скрепляла еще и идейная и духовная близость. Р. М. Плеханова оставила мужу тот вид деятельности, в котором, как она имела возможность убедиться, талант и способности помогали Георгию Валентиновичу реализоваться как личности, и приносили ощутимые результаты в общем для них деле. Участие в общественной жизни (в их случае им могла быть лишь революционная борьба) стало той сферой жизни, вне которой свою судьбу они не представляли. Подчеркнем: через «бунтарство», период юношеского максимализма проходят все или почти все. Но в революционной борьбе, в том смысле, в котором ее понимали и продолжают понимать лучшие, наиболее нравственно одухотворенные люди⁹⁴, остаются

⁹³ В 1889 г. Плеханов, обвиненный в связях с анархистами, был изгнан из Швейцарии и поселился недалеко от Женевы, во французской Савойе, в деревне Мориэ. Спустя четыре года, выступая в 1893 г. на Цюрихском международном конгрессе, Плеханов подверг критике французское правительство, обвинив его в пособничестве самодержавию, чем вызвал гонения со стороны французского правительства, а летом 1894 г. был выдворен из Франции. Местом нового изгнания стала Англия. Право на жительство в Швейцарии Плеханову было предоставлено в 1895 г., после неоднократных обращений Р.М. Плехановой в государственные органы страны и хлопот швейцарских политиков А.Патри и Л.Эртие. Запрет на въезд во Францию аннулировали 8 марта 1917 г. Уведомление о разрешении на въезд подписано Альбером Тома (РНБ АДП Ф. 1093. Оп. 1. Ед. хр. 33). Вопрос о возвращении Плеханова на родину рассматривало уже Временное правительство.

⁹⁴ В работе «К критике гегелевской философии права», написанной в 1844 г., отвечая на вопрос о возможности революции в Германии, способной поднять страну на человеческую высоту, К.Маркс написал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. Теория способна овладеть массами, когда она доказывает ad hominem (применительно к данному лицу – ред.) а доказывает она ad hominem, когда становится радикальной. Быть радикальным – значит понять вещь в ее корне. Но корнем для человека является сам человек. Очевидным доказательством радикального характера немецкой теории, следовательно – ее практической энергии, служит то, что ее исходным пунктом было решительное, положительное упразднение религии. Критика религии завершается учением, что человек – высшее существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом, – те отношения, которые нельзя лучше охарактеризовать как возгласом одного француза по поводу проектировавшегося налога на собак: «Бедные собаки! С вами хотят поступить, как поступают с людьми!» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. С. 422; курсив К. Маркса).

немногие. К числу этих немногих принадлежали и Плехановы. Они не ставили перед собой задачу самостоятельного или в составе революционной партии «ниспровержения» существующих отношений, понимая, что решение такой задачи под силу «просвещенному разумом» человечеству. Однако способствовать «просветлению» и пробуждению сознания людей, тем самым «облегчая муки родов» новой жизни, они могли и достигли в этой области значительных успехов. Духовные устремления и гражданская позиция Плехановых, плодотворная профессиональная деятельность Розалии Марковны в качестве врача и Георгия Валентиновича как ученого, литератора и организатора, притягивали людей, занимавших близкие к ним позиции или стремившихся их идеи понять; и это способствовало объединению усилий в борьбе за осуществление благородных целей. В этой общей для них борьбе победы и достижения были для них также общими⁹⁵.

⁹⁵ В 1956 г. в Советском Союзе широко отмечалось 100-летие со дня рождения Г. В. Плеханова. В юбилейных мероприятиях, одно из которых состоялось 11 декабря в Колонном зале Дома Союзов в Москве, планировали принять участие Лидия Георгиевна и Евгения Георгиевна Плехановы. Однако, осуществить задуманную поездку сестры сумели лишь год спустя. В архиве Р. М. Плехановой сохранились черновики писем, отправленных Евгенией Георгиевной на имя посла Советского Союза во Францию и министра культуры СССР Н. А. Михайлова. В корреспонденции к министру Евгения Георгиевна писала:

«Многоуважаемый г. Министр культуры!

В начале июля я выразила Вам наше горячее желание, моей сестры Лидии Георгиевны и мое, присутствовать на чествовании памяти нашего отца, Георгия Валентиновича Плеханова, по случаю столетия со дня его рождения, и посетить могилу наших родителей. 14 октября мы получили ответ на нашу просьбу.

Мы Вам бесконечно благодарны за наше приглашение. К сожалению, в данный момент непредвиденные личные обстоятельства не дают нам возможности исполнить наше желание, и нам приходится отложить нашу поездку на некоторое время.

Мы просим Вас выразить всем тем, кто собирается вокруг Вас, чтобы чествовать память и труды нашего отца, нашу признательность. Мысленно и всей душой мы будем с вами в эти декабрьские дни 1956 года. Многие из присутствующих не могут себе представить, при каких обстоятельствах этот огромный труд осуществлялся. Он требовал колоссальных знаний и очень большой сосредоточенности всех умственных способностей, а между тем, со всех сторон перед нашим отцом возникали препятствия.

Один или почти один в начале своей деятельности, не понятый окружающими, больной, приговоренный самыми видными врачами (он страдал тяжелой формой туберкулеза с частыми обострениями), нуждаясь часто в самом необходимом, он скитался из города в город, преследуемый царским правительством. Вот какова была его жизнь в течение многих лет.

«Как Фигаро, — говорил он, — мне не нужно больше ума и изворотливости, чтобы просто существовать, однако, сколько его нужно, чтобы управлять всей Испанией».

У него была несокрушимая вера в необходимость той задачи, которую он себе поставил.

При этом, глубокая любовь к своей стране и безраздельная преданность идеи социализма. Этот огромный труд при слабом здоровье мог быть осуществлен исключительной организацией работы. Он заключил своего рода конкордат со своей болезнью. Вот эти тезисы:

Личная переписка Плехановых, насчитывающая сотни телеграмм, писем, открыток, дает немало подтверждений сказанному выше. В «репортажах» Георгия Валентиновича с международных конгрессов, конференций, съездов партий и совещаний домой упоминаются имена людей и описываются сюжеты, по поводу которых почти отсутствуют объяснения, что были бы необходимы человеку, не связанному с персонажами и далекому от обсуждаемых тем. Их корреспонденция оставляет впечатление продолжающегося разговора, и это объясняется тем, что, уезжая из семьи, они почти ежедневно писали друг другу. Безусловно, культура письменного общения была присуща значительному кругу людей того времени, однако, частота обмена посланиями, их характер и содержание свидетельствуют о внутренней потребности Плехановых к постоянному общению, неиссякаемом интересе и любви друг к другу⁹⁶.

от 39° до 40° температуры можно еще заниматься литературой и искусством, от 38° до 39° – вопросами экономическими, а ниже 38° – можно заниматься решительно всем».

Организация работы отца была возможна благодаря безграничной преданности нашей матери, Розалии Марковны, которая взяла на себя всю тяжесть материальной стороны жизни эмигрантов, не уверенных в завтрашнем дне. Она окружила отца самой нежной и предусмотрительной заботливостью, до того она сама была убеждена в важности и необходимости его работы. Благодаря нашей матери, Розалии Марковне, труд Георгия Валентиновича мог быть осуществлен. Он это знал и ценил, поэтому чествование памяти Георгия Валентиновича должно быть также чествованием памяти Розалии Марковны.

Вот, г. министр, то, что мы хотели сказать, и что мы просим Вас сказать от нашего имени. Выражая Вам нашу благодарность и наше сожаление, мы просим Вас, г. министр, принять уверения в нашем совершенном почтении. [Далее текст обрывается и на листе 4 следует приписка]: (Михайлову). «Мы узнали из газет и журналов, с какой торжественностью этот юбилей был отмечен во всей стране наиболее видными представителями советской общественности, и мы выражаем всем в Вашем лице нашу глубокую признательность» (РНБ АДП Ф. 1094. Оп 1 Ед хр. 967. Лл. 1 – 2, 4).

⁹⁶ В ноябре 1894 г., получив известие о смерти Александра III, Георгий Валентинович написал Розалии Марковне: «Россия, разумеется, ничего не потеряла с его смертью, но... право жаль его жену, она, кажется, его любила и теперь переживает самое тяжелое горе, какое только случается испытать человеку в жизни. Когда сам горячо любишь, то сочувствуешь потерям любящих людей, кто бы ни были эти люди» (IISH. G. Plekhanov Archive. Box 1. 1 d).

Письмо от 01.02.1908 г., в котором Георгий Валентинович сетует на то, что Розалия Марковна откладывает свой приезд к нему [вероятно, в Италию, куда Плеханов был вынужден уезжать на зиму – Т.Ф.], заканчивается словами: «Помни, что каждый день твоего отсутствия заставляет меня страдать, вливает яд в мое сердце. [...]» Не делай так, чтобы все-таки вышло, что ты приедешь около 15» (Ibid. 1 L); годом позже, 08.02.1909 г., по тому же поводу: «...у меня без тебя идей никаких нет, я почти не могу писать» (Ibid.).

Отвечая на одно из писем Георгия Валентиновича, в котором могли содержаться извинения по какому-то им обоим известному поводу, Розалия Марковна призналась:

Как ни покажется, быть может, кому-то удивительным, но и переписка родителей, Георгия Валентиновича и Розалии Марковны с дочерьми, Лидией Георгиевной и Евгенией Георгиевной⁹⁷, также наполнена обсуждением общих для всей

«Я достаточно знаю черты твоего характера: доброту, деликатность [...], а то, что я испытываю под влиянием твоей раздражительности, ... то я все-таки считала бы те страдания только каплей горечи в океане личного счастья, которое доставила и доставляет мне твоя любовь» (Ibid. Box 1. 1. – подч. Р. М. Плехановой). Это соединившее их чувство Розалии Марковна бережно хранила до конца своих дней.

«Бремя любви тяжело, даже если несут его двое...

Нашу с тобою любовь нынче несу я один.

Долю твою и свою берегу я ревниво и свято,

Но для кого и зачем, сам я понять не могу».

⁹⁷ Из четверых детей Р. М. Плехановой и Г. В. Плеханова в живых осталось двое: Лидия (1881 – 1978) и Евгения (1883 – 1964). Дочери Вера (1879 – 1880) и Маша (1889 – 1894) умерли в младенчестве и детском возрасте.

Не по годам развитая, живая и впечатлительная, в семье Машенька была всеобщей любимицей. Несмотря на возраст, каким-то образом она понимала, что отец болен и требует особой заботы и внимания. Проявление заботливости со стороны четырехлетнего ребенка казалось особенно трогательным посторонним людям, навещавшим Плехановых.

«Удивляюсь тому, какую нежную любовь это пятилетнее существо, наша незабвенная Машенька, питала к отцу.

Это было в начале 90-х гг. прошлого столетия. Георгий Валентинович был изгнан из Швейцарии и мог явиться только на несколько дней в семью, по специальному разрешению женевской полиции. Разрешение давалось на 3–4 дня, максимум – на неделю. Разрешения эти обыкновенно приносил наш друг L. Heritier [Луи Эритье (1863 – 1898) – швейцарский социал-демократ, автор работ по истории социалистического движения, депутат Женевского кантона, близкий друг семьи Плехановых – Т. Ф.]. Какое было счастье для малютки! «A tu apprête la carte pour papa?» Это были самые светлые дни в жизни этого ребенка. Она до того любила своего отца, что старалась не огорчать его во время их игр. Так, играя в cache-cache [прятки – Т. Ф.], он любил вызывать эти чувства детской отверженности и, ища ее, делал вид, что крайне огорчен, не находя ее: «Что с ней, с моей Машенькой? Она пропала, я ее не нахожу». Девочка не могла выдержать: «Не огорчайся, папа, я здесь», и наивно выдавала тайну своего местопребывания. Во время игры в дурачка, тот, кто проигрывает, получает щелчок по носу картой. Когда она выигрывала, она великолушно, из любви к отцу, говорила: «Нет, папа, это не я выиграла, а ты, дай мне щелчок по носу». Это было само самоотвержение, готовность пострадать, лишь бы отец был счастлив, довolen. Я припоминаю, как был удивлен старый эмигрант Н. И. Жуковский живостью и заботливостью об отце пятилетней дочурки Георгия Валентиновича. Н. И. был у нас в гостях, он собирался уходить. Георгий Валентинович пошел проводить его в переднюю. Стоял дождливый вечер. Машенька побежала за отцом в переднюю и, думая, что он уходит с гостем, заботливо сказала: «Папа, не забудь, надень калоши, дождь идет, смотри, не простудись». Н. И. Жуковский был поражен: «Чья это девчурка?». – «Моя», – сказал с гордостью Георгий Валентинович: «Какой ты счастливец!», – воскликнул Николай Иванович.

Смерть Машеньки семья перенесла трагически. В декабре 1893 г. девочка заболела корью, но в начале 20-х чисел ее состояние постепенно улучшалось, и врачи заключили, что ребенок начал выздоравливать. Однако 24 декабря случилось непредвиденное: Машенька перенесла сильный эмоциональный срыв, связанный с тем, что прислуживавшая в доме женщина в присутствии ребенка стала разделывать принесенного из базара кролика. Девочку долго не могли успокоить, а уже на следующий день она заболела вновь. Спустя некоторое время поставили диагноз: острый менингит. По мнению врачей, болезнь была спровоцирована испытанным ребенком моральным потрясением.

семьи общественных проблем, сообщениями о событиях, участниками которых были известные всей семье люди. Нередко, друзья и знакомые старшего и младшего поколений семьи Плехановых со временем становились общими друзьями. При этом дружеским и человеческим отношениям не препятствовали разница в мировоззрении и убеждениях⁹⁸. Нет, дочери

Заболевание протекало стремительно, 31 декабря Машенька потеряла сознание, и 4 января 1894 г. ее не стало.

Розалия Марковна слегла. Потрясенный произошедшим, Г. В. Плеханов в письме к В. Либкнехту от 31 декабря писал: «Получил Ваше любезное письмо... Поздравляю с новым годом Вас, г-жу Либкнехт и всю вашу семью. Желаю вам счастья. Для меня это уже больше невозможно: моя младшая дочь умирает, безнадежна, ей осталось жить всего несколько дней. От этого можно с ума сойти...» (Литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 4. С. 269. См. также: РНБ АДП Ф. 1094. Оп. II. Ед. хр. 82. Л. 2, 3 – 3 об.).

В день похорон в квартиру Плехановых явились судебные приставы с тем, чтобы описать за долги мебель.

⁹⁸ Одним из близких друзей писателя и публициста Жоржа Эмиля Бато и его жены Евгении Георгиевны Бато-Плехановой был Борис Викторович Савинков – видный деятель партии социалистов-революционеров, один из создателей и руководитель боевой организации ПСР. В годы первой мировой войны в зарубежной печати неоднократно появлялись имена Э. Бато и Б. В. Савинкова в связи с попытками выявить организации и лиц, замешанных в деятельности в интересах Германии на территории сопредельных стран (Наше слово. 1916. № 208). Ранее в одной из публикаций уже приводился рассказ Клода Бато о попытке его родителей убедить Б. В. Савинкова отказаться от поездки в СССР, цель которой состояла в том, чтобы организовать борьбу за устранение Советской власти (см.: Исторический архив. 1998. №2).

Интересные воспоминания о личном знакомстве Б. В. Савинкова и Г. В. Плеханова в 1911 г. и последующей встрече в 1913 г. опубликовал в «Историко-революционном бюллетене» (1922; № 2 – 3) М. М. Чернавский. Они привлекают тем, что эти случайные в его жизни эпизоды остались столь неизгладимый след в душе, что, описанные десять лет спустя, заставляют читателя пережить их не менее эмоционально.

Первая встреча произошла в начале 1911 г., в один из сложных для боевой группы дней. Незадолго до этого боевой организации удалось выявить в своих рядах провокатора, но результатом поиска, отнявшего несколько месяцев, оказались оплаченными слишком высокой ценой: один из членов покончил жизнь самоубийством, еще один пережил тяжелый нервный срыв, некоторые покинули группу добровольно, иные были исключены. Как пишет М. Чернавский, провокатор, отпущенный в Россию, как червь, источил группу изнутри. Ее участники, не сумевшие подобрать новых членов, решили собраться у Б. В. Савинкова, в то время жившего с семьей в местечке Теуль, недалеко от Канн (Франция), с тем, чтобы принять решение о распуске группы.

«Вот в эти-то пасмурные дни, – момент точно не помню, – совершенно неожиданно приехал из Италии Г. В. Плеханов и потребовал конфиденциального разговора с Савинковым. Недоумение и сенсация! До тех пор они не были знакомы и, кажется, нигде не встречались. Оказалось следующее. Из очень солидного источника Георгию Валентиновичу доставили сообщение, что русское правительство производит энергичное давление на Париж, требуя ареста Савинкова, что будто бы французское правительство поддается давлению и на днях возможен обыск и арест.

По циркулировавшим в эмигрантских кругах слухам Плеханов уже знал о существовании группы и потому, придя сообщению серьезное значение. И вот этот давнишний противник террора, недолго думая, садится в поезд и едет во Францию предупредить Савинкова. Плеханов жил в то время в Сан-Ремо. До Теуля расстояние не особенно большое, но, все-таки, на поездку туда и обратно с пересадкой на границе в Вентимилья уходило, вероятно, (точно не помню) больше полусуток. Здоровье Георгия

были мало знакомы, если знакомы вообще, с перипетиями внутрипартийной борьбы русских социал-демократов и меж-

Валентиновича и тогда уже было плохо. Жена и дочь – обе врачи – держали его на санаторном режиме при устроенном ими в Сан-Ремо санатории для легочных больных. (По окончании разговора Плеханов предложил Савинкову отдать ему на сохранение все, что могло оказаться уликами против группы в случае обыска – Т. Ф.) [...]

Ничего радостного в сообщении Плеханова не было, и, тем не менее, его приезд, его забота о судьбе незнакомых ему людей, как будто разрядили немного то тяжелое, угрюмое настроение, которое создалось в Теуле до его приезда» (С. 22).

Некоторое время спустя М. Чернавский, по делам партии вновь встретился с Савинковыми, к тому времени уже поселившимися в Сан-Ремо, неподалеку от санатория Плехановых. Семьи часто обменивались визитами, «...однажды вечером Савинков собрался к Плеханову, предложил и мне пойти вместе с ним.

До той поры мне не приходилось вступать в непосредственные личные отношения с Плехановым. Я знал Плеханова как лидера русской соц.-демократической партии, как ученого, обладающего колossalной эрудицией, глубокого знатока учения Карла Маркса, блестящего полемиста. Но ведь все такие общественно-политические этикетки скользят по поверхности, дают какие-то мраморно-холодные образы людей, не исчerpывают и, даже часто не затрагивают глубин живого человека. Я знал общественного деятеля, но не знал человека. Приезд в Теуль уже осветил, отчасти, его душу, а непосредственно личное общение дополнило и оживило мое представление об этом человеке, придало ему притягательную силу и какое-то особенное очарование.

Мы провели у Плеханова за чаем целый вечер. Разговор касался текущих тем, искали причин разгрома революции 1905 года, говорили о розни в революционной среде, о необходимости сближения русских революционных партий.

В течение этой беседы Плеханов успел проявиться во весь свой рост, обнаружилось, какой он живой, острумный, увлекательный собеседник: его обширнейшая эрудиция, поразительная память, беспримерное умение распоряжаться своим умственным багажом, проявились здесь в полном блеске. Каждую свою мысль он мастерски иллюстрировал фактами, примерами: так и сыпал цитатами из разных авторов, или живыми, образными рассказами из своей богатой содержанием жизни, приводил изречения и мнения живых общественных деятелей. Засиделись до поздней ночи, жаль было отрываться от этой беседы».

На обратном пути, в ответ на шутливое замечание Б. Савинкова об излишней молчаливости, М. М. Чернавский не признался тогда, что весь вечер у него «в голове вертелся вопрос: какой магнит притягивает друг к другу этих двух совершенно непохожих людей. Что это герои из совершенно различных опер, – для меня было ясно, как день, несмотря на некоторые черты сходства между ними: оба революционеры, талантливые люди с большим характером. В тоже время я не сумел бы словесно формулировать, в чем состоит это несходство. Принадлежность к разным партиям не имеет ни малейшего значения. Можно набрать из различных партий сколько угодно людей, похожих друг на друга, как два новеньких пятиалтынных. В тот вечер у меня мелькало только одно объяснение этого сближения: по-видимому, и тому, и другому было приятно перешагнуть через межпартийные перегородки, подышать внепартийным воздухом, для обоих их отношения были отдыхом от партийности. Быть может, я ошибаюсь, но и по сей день не могу придумать лучшего объяснения» (С.23-25).

После первой встречи Г. В. Плеханова с Б. В. Савинковым в Теуль стали по очереди наведываться Л. Г. Плеханова и Р. М. Плеханова. Их приезды во Францию были связаны с тем, что в семье Бориса Викторовича жила член боевой организации партии эсеров М. А. Прохорьева, страдавшая тяжелой формой туберкулеза. Как пишет М. Чернавский, «все интересы в семье Савинковых сосредоточились на борьбе за жизнь Марии Алексеевны». Плехановым удалось установить доброжелательные с ней отношения и вселить веру в возможность улучшений и желание победить недуг; этим и был вызван переезд Савинковых в Сан-Ремо.

партийных идейных (и не всегда идейных) схваток⁹⁹. Однако, их активное содействие в организации помощи русским политэмигрантам в поисках работы, лечении, устройстве на учебу, сбор средств на осуществление издательских планов, помощи, в том числе и юридической, русским волонтерам, воевавшим на фронтах Первой мировой войны, личное участие во Французском сопротивлении и деятельности Дома Плеханова, наличие друзей в среде русских политических эмигрантов, как и многое другое, не оставляют сомнений в том, что идеальные ценности родителей были восприняты детьми, а духовное родство в не меньшей степени, чем Плехановым-старшим, было свойственно дочерям. Одновременно всех их связывали, помимо глубокого уважения, любовь и необыкновенная нежность друг к другу, в которых, в тех случаях, когда считали это необходимым и возможным, они не стеснялись признаться.

Немало страниц в воспоминаниях Розалии Марковны посвящено отношениям с друзьями и близкими, среди которых были русские, и не только политические, эмигранты¹⁰⁰, видные

⁹⁹ Р. М. Плеханова описывает случай, когда, приехав в Женеву, она обратилась к семье М. П. Драгоманова с просьбой проводить ее к Георгию Валентиновичу, незадолго до этого поменявшему квартиру. Быть проводником вызывалась двенадцатилетняя дочь Драгомановых Лиза, и за полчаса, что они находились в дороге, девочка выложила Розалии Марковне все эмигрантские новости, ссоры, сплетни и слухи. История настолько потрясла Плехановых, что они решили, что их дети, если им суждено родиться эмиграции, будут ограждены от этой стороны жизни. И, судя по воспоминаниям друзей Плехановых в биографии Георгия Валентиновича, сделать это им удалось (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Лл. 233 – 234). Существует несколько интересных воспоминаний о жизни русской колонии в Швейцарии. См., например, Иков В. К. Листопад // Вопросы истории. – 1995. – № 8 – 10; Хородчинская И. Воспоминания о Г. В. Плеханове // Каторга и ссылка. – 1930. – № 2 -С. 159 – 168).

¹⁰⁰ По совету родных Розы Люксембург в 1891 – 1893 гг. няней детей Плехановых была Любовь Исааковна Аксельрод (1868 – 1946), ставшая впоследствии одним из самых близких друзей семьи. В 1893 г. она поступила в университет, но ее связь с Плехановыми никогда не прерывалась. Выпускница философского факультета Берлинского университета, ученица Георгия Валентиновича, известный философ-теоретик, литератор и публицист, активная участница российского социал-демократического движения, преподаватель Коммунистической академии, Л. И. Аксельрод в течение многих лет сотрудничала с Домом Плеханова. В тридцатые годы она неоднократно подвергалась критике за «недостаточно критическое отношение к ошибкам Плеханова». Ее перу принадлежат воспоминания о Георгии Валентиновиче. В Доме Плеханова сохранилась обширная переписка Л. И. Аксельрод с Г. В. Плехановым и Р. М. Плехановой. См. Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Этюды и воспоминания. – Л., 1925.

Л. И. Аксельрод, увлеченная художественной и философской литературой, относилась к своим обязанностям няни, как вспоминает Розалия Марковна, без интереса. Она приводит несколько забавных эпизодов, относящихся ко времени, когда Любовь Исааковна жила в их семье «в нянках».

Однажды Р. М. Плеханова отправила детей, 10-летнюю Лиду, 8-летнюю Женю и 2-летнюю Машеньку вместе с Любовью Исааковной в Морэн. Как-то старшие девочки, устав от замечаний Любови Исааковны, решили бежать, прихватив с собой

представители науки, культуры, государственные и общественные деятели стран Западной Европы¹⁰¹. Особое место отведено рассказам о семейном укладе и взаимоотношениях между членами семьи, вопросам воспитания детей и их судьбам.

Розалия Марковна вспоминала о том, что по мере взросления дочерей ей и Георгию Валентиновичу приходилось задумываться и неоднократно обсуждать вопрос о будущем девочек и тех профессиях, которым они могли бы себя посвятить.

Одно время Георгий Валентинович серьезно размышлял над тем, чтобы воспитать из дочерей сознательных работниц и обучить их какому-нибудь ремеслу. Ему казалось, что выбранный ими для детей путь – получение светского, как они его называли, а не ремесленного образования – ложен, поскольку, в дальнейшем, такое образование не позволит им жить в рабочей среде и заниматься просветительской и революционной работой так, как это делали они с друзьями, находясь в России. Он напоминал Розалии Марковне о переживаниях, через которые им обоим в свое время пришлось пройти для того, чтобы решить этот непростой для людей их круга и образа мыслей вопрос.

Однако, по мнению Розалии Марковны, действительность, в которой жила семья, диктовала иные, отличные от российских, условия воспитания; и именно эти обстоятельства «места и времени» и должны были определить тот путь, по которому пойдут их

Машеньку. Хватились детей не сразу, и лишь несколько часов спустя их нашел А. М. Воден (русский литератор-философ и переводчик, 1870 – 1939).

В другой раз, четырехлетняя Машенька убежала с прогулки в Университетском саду домой, за креслицем. Ей удалось миновать площадь, где проходили трамвайные пути, и несколько шумных улиц, прежде чем ее случайно успела заметить Розалия Марковна. Когда она привела малышку в сад, то застала Любовь Исааковну, так и не заметившую исчезновения ребенка, за оживленной беседой все с тем же А. М. Воденом (РНБ АДП Ф. 1094, Оп. I. Ед. хр. 5. Л. 1-3).

¹⁰¹ В Доме Плеханова хранятся переписка и материалы В. Адлера, А. Бебеля, Г. Бакалова, Э. Бернштейна, Д. Благоева, Э. Вайяна, Э. Вандервельда, Ц. Войнаровской, Ж. Геда, Ш. Дюма, К. Каутского, В. Либкнехта, Ш. Лонге, Э. Маркс-Эвелинга, Ф. Меринга, Д. Макдональда, Э. Эвелинга, Ф. Энгельса, Л. Эртие и др., в которых нашли свое отражение самые драматичные моменты эпохи.

Фрагменты воспоминаний об интересных встречах, дружеских отношениях с видными представителями русской и зарубежной культуры, общественно-политическими деятелями были впоследствии опубликованы. См., например, Р. М. Плеханова. Первое наше знакомство с Жюлем Гедом (Заря. 1923. № 6 – 7. С. 169 – 173); Она же. Воспоминания о А. Н. Скрябине (Александр Николаевич Скрябин. 1915 – 1940: Сб. к 25-летию со дня смерти. М, 1940, – С. 65 – 75); Р. М. Плеханова Встречи с Энгельсом / Публ. И. Н. Курбатовой // Литературная газета. – 1959. – 11 дек.; Р. М. Плеханова. Воспоминания о жизни Г. В. Плеханова в Париже / Публ. И. Н. Курбатовой // Новая и новейшая история. – 1981. – № 6. -С. 132 – 143

дочери. Никто не мог сказать, насколько вообще вероятным было возвращение на родину: собираясь в эмиграцию, Плехановы планировали оставаться в Западной Европе не более трех-четырех месяцев, в крайнем случае, двух-трех лет. К моменту перехода детей в гимназию – времени, когда перед ними и родителями всталась практическая задача выбора, еще не профессии, конечно, но сферы приложения интеллектуальных и духовных интересов, семья находилась в Швейцарии уже более пятнадцати лет. Дети родились и выросли в стране, культура и традиции которой являлись для них естественной средой обитания, их становление в качестве личностей проходило под мощным влиянием родителей, да и круг общения в значительной степени формировался под культурным, идейным и духовным воздействием окружения семьи. Поэтому, единственная помощь, которую действительно могли оказать дочерям Плехановы, состояла в том, чтобы помочь девочкам выявить и развить их способности, стремления и наклонности.

Социально-политическое устройство практически всех западноевропейских стран, – и Швейцария не составляла в данном случае исключения, – не требовало от общественных деятелей того самопожертвования и самоотречения, на которые должны были подвигнуть себя революционеры, работавшие в России. Напротив, только широкое и, по возможности, фундаментальное образование могло оказаться полезным для дочерей Плехановых в том случае, если бы они, как и их родители, захотели включиться в политическую жизнь общества¹⁰².

Еще одной серьезной проблемой, обусловленной жизнью семьи в Швейцарии, стал вопрос о религиозном воспитании детей: в стране действовали воскресные школы, где учащиеся изучали историю христианства и Библию с точки зрения протестантизма. С предложением отправить детей в одну из таких школ ее организаторы обращались к Плехановым неоднократно, подчеркивая при этом светский, просветительский, а не религиозный характер обучения детей: их не учили Закону божьему, учащиеся школы не принимали участия и не присутствовали на богослужениях.

И Георгий Валентинович, и Розалия Марковна были атеистами¹⁰³, поэтому и дети воспитывались вне религиозных табу

¹⁰² РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. С. 232 – 235.

¹⁰³ Современники Г. В. Плеханова нередко писали об отвращении, которое он питал к религии. В письме к А. И. Любимову от 31.05.1918 г., содержавшем сообщение о смерти Георгия Валентиновича, Розалия Марковна просила позаботиться о помещении, где можно было поместить гроб для проведения гражданской панихиды, и заключала: «...только не в церкви» (Исторический архив. 1998. № 3. С. 143).

и положений о неотвратимости божьих наказаний. Наиболее рациональным родители находили метод морального воздействия на детей, стараясь на собственном примере заботливого и ровного отношения друг к другу и окружающим, воспитать в дочерях те же качества¹⁰⁴. Плехановым предстояло принять непростое решение, ибо согласие на посещение детьми занятий или отказ от них имели принципиальное значение как для судеб дочерей, так и для их собственного положения в кругу эмиграции и друзей по политической борьбе.

Обсудив вопрос и тщательно взвесив возможные последствия отказа, и меры, которые вполне могли быть предприняты в отношении детей, Плехановы «решили, что изучение нашими детьми Библии и Евангелия будет полезно и входит в обязанность образованного человека. Это [означает – Т. Ф.] знать историю человечества. Георгий Валентинович прекрасно изучил эти священные книги и часто в своих литературных трудах любил привести ту или другую цитату из Библии или Евангелия, а религиозным от этого знания не сделался. То же будет и с нашими детьми. Старшей, Лидии, было лет двенадцать, а младшей – десять. Дети начали посещать воскресную школу. Так как они обе любили учиться, то они скоро овладели предметом религиозного преподавания и, о, ужас!, получили в конце года награды [нрзб., – Т. Ф.] в виде интересных книг: «Хижина дяди Тома» и «Тысяча и одна ночь». Об этом появилось [сообщение – Т. Ф.] в газетах. Наши друзья, швейцарские социалисты, были очень огорчены тем обстоятельством, что дети Плеханова получили награды за свои успехи по религиозным вопросам в воскресной школе. В особенности был огорчен, я помню, наш друг Louis Heritier, основатель социал-демократической партии в Женеве.

Мы не огорчались этим, старались выяснить нашим друзьям, что мы смотрим на изучение Библии и Евангелия как на необходимое пополнение в их среднем образовании, и что

¹⁰⁴ «Я думаю, что будет уместно, говоря о родительских чувствах и об отношении нашем к воспитанию наших детей, сказать несколько слов об отношении и Георгия Валентиновича к детям вообще и к своим, в особенности.

Я поражалась любовью и нежностью его к детям вообще и к своим в особенности. Но это была нежность не сентиментальная, а полная знаний детской психологии, умения читать в их детских душах, умения побуждать к деятельности их детский ум. Дети им быстро заинтересовывались, окружали его. Он умел играть с ними в cache-cache, в жмурки, в дурачка, он был мастер на вырезывание им из бумаги животных, и у детей накоплялись целые зверинцы, которые они тщательно хранили. Такой зверинец собрала девочка нашей Philomene [домработница Плехановых, которая жила в их семье более тридцати лет – Т.Ф.], Ольга [...]. Девочку Ольгу мы взяли к себе на воспитание, когда мать ее оказалась вдовой после трагической смерти мужа» РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 233).

от этого наши дочери в умственном и нравственном отношении не проиграют, а только выиграют»¹⁰⁵.

По окончании медицинского факультета Женевского университета Лидия Георгиевна получила диплом врача-невропатолога и занималась практикой в Швейцарии, Италии и Франции. Уже став врачом, поступила и успешно закончила Женевскую консерваторию, где обучалась художественному чтению. Несмотря на то, что преподаватели прочили ей блестящую артистическую карьеру, медицину она не оставила. Зато семейные праздники и встречи с друзьями благодаря таланту Лидии Георгиевны, нередко превращались в настоящие театральные представления. Собравшиеся имели возможность оценить ее мастерство чтеца, пение Евгении Георгиевны, виртуозные фокусы мужа Лидии Георгиевны Анри ле Савуре, искусством которого впоследствии увлекся ее племянник Клод¹⁰⁶. Выйдя замуж, Лидия Георгиевна окончательно поселилась во Франции. Супруги приобрели в собственность Валлео-Лу¹⁰⁷ и организовали в нем санаторий, услугами которого пользовались артисты и интеллектуалы. Большой поклонник Шатобриана, Анри Ле Савуре основал общество его имени и был избран президентом.

Евгения Георгиевна, получившая блестящее гуманитарное образование, после окончания Женевского университета продолжила учебу в Институте восточных языков и стала филологом-руссистом. С пятнадцати лет она, обладавшая красивым меццо-сопрано, занималась вокалом сначала в Женевской консерватории, а затем – в Милане.

Так же, как Розалия Марковна и Лидия Георгиевна, Евгения Георгиевна часто исполняла секретарские обязанности, записывая под диктовку, переписывая и копируя рукописи Георгия Валентиновича, вела его переписку. В архиве Плеханова хранятся сотни листов с записями, выполненными ее рукой. Евгения Георгиевна – автор переводов трудов Г. В. Плеханова на французский язык и статьи, помещенной в «Encyclopédia

¹⁰⁵ Р. М. Плеханова. Воспоминания (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. I. Ед. хр. 7. Л. 232).

¹⁰⁶ Об одном из таких праздников сообщала в своем письме к Розалии Марковне дочь бывшего редактора «Современная жизнь» О. В. Кожевникова, встречавшая Новый год в доме ее дочерей (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. II. Ед. хр. 216. Л. 1-5).

¹⁰⁷ «Долина волков» – название дома в Шатене-Малабри, некогда принадлежавшего семье Франсуа Рене Шатобриана, французского мыслителя, писателя, политического деятеля и дипломата (1768 – 1848). После смерти Шатобриана у поместья несколько раз менялись владельцы, некоторое время им владела семья Ле Савуре. По завещанию Л. Г. Ле Савуре-Плехановой, после ее смерти здание и парк были переданы Институту Пастера.

Britannica»; статьи Г. В. Плеханова «О войне», получившей большую известность в годы Первой мировой войны и «Введение» в «Историю русской общественной мысли»; в соответствии с планом, выработанным ею совместно с Ж. Гедом, в течение нескольких лет занималась переводом философских работ Георгия Валентиновича, которые планировались к публикации на французском языке отдельным многотомным изданием. Евгения Георгиевна внимательно следила за публикациями произведений Плеханова на Западе, постоянно пополняя библиографию его трудов. – «Плехановиану», – которая ведется в Доме Плеханова с момента его организации. После смерти матери Евгения Георгиевна продолжила работу по пополнению архива Георгия Валентиновича, помохи в печатании его трудов и работ о нем¹⁰⁸.

В 1912 году Евгения Георгиевна вышла замуж за Жоржа Эмиля Бато, сына известного кардиолога Эмиля Бато и Марии Зарудницкой, соученицы Розалии Марковны по Женской врачебной школе в Петербурге. С будущим мужем Е. Г. Плеханова познакомилась во время учебы в Женевском университете.

Вскоре после свадьбы семья Бато, включая Евгению Георгиевну и Жоржа, покинула Женеву и обосновалась в Париже. Бато-старшие поселились в частном особняке, расположенному в сквере на проспекте, ведущем к Булонскому лесу, а молодые – в доме номер 17 по улице Марбо, где 2 января 1918 г. появился на свет единственный в семье ребенок, названный в честь обоих дедов Клодом Эмилем Жоржем¹⁰⁹.

Супружеская жизнь Евгении Георгиевны и Жоржа складывалась не очень счастливо. Как вспоминает Клод, его родители,

¹⁰⁸ Помимо документов Е. Г. Бато-Плехановой, отложившихся в архиве Р. М. Плехановой, в 2001 г. вместе с материалами известного американского историка-слависта С. Х. Бэрона, переданными им в дар Дому Плеханова, поступили письма Евгении Георгиевны, полученные им во время работы над биографией Г. В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1452. Ед. хр. 96 – 117).

¹⁰⁹ По окончании Эколь де Рош Клод Бато продолжил учебу в Лицее Кондорсе, где на отделении дипломатии изучал политические науки; впоследствии получил филологическое образование по специальности «английский язык и литература».

В сентябре 1939 г. Клода мобилизовали для прохождения обучения в школе по подготовке офицеров запаса сначала в Лавале (Майен), а затем в Сен-Сире, по окончании которой он получил статус вольноопределяющегося. Для прохождения службы он выбрал часть альпийских стрелков 22-ой ВСА, базировавшейся в горах над Ниццей, на границе с Италией. С началом военной кампании оказался на фронте и участвовал в боях против немцев и итальянцев, ставшихся, как он пишет, «вонзить нам нож в спину после катастрофы под Дюнкерком» (Бато К. Воспоминание о французской ветви семьи Бато-Плехановых // К 75-летию Дома Плеханова. – С. 105).

высокообразованные и умные люди, не приходили к согласию ни в чем, кроме искусства и литературы: оба были страстными поклонниками греческой и итальянской культур¹¹⁰.

Однако все разногласия в семье отошли на второй план и оказались несущественными перед лицом событий, последовавших за 14 июня 1940 года – днем, когда немецкие войска вступили в Париж.

Развязанная фашистской Германией и ее союзниками война и оккупация Польши привели к тому, что Франция, связанная с Польшей союзническими отношениями, вынуждена была объявить войну Германии. Эта мера со стороны Франции в действительности носила вынужденный – демонстрационный – характер, поскольку, как показали дальнейшие события, правительство Даладье не собиралось исполнять взятых на себя обязательств, полагая, что выведенные на «линию Мажино» французские войска смогут оказать отрезвляющий эффект на немцев и заставят ограничиться интересами, которые они и их сателлиты преследовали на Востоке¹¹¹.

Однако нападение Германии на Нидерланды и Бельгию 10 мая 1940 года, и последующая капитуляция этих стран 14 мая

¹¹⁰ Там же. С. 103.

¹¹¹ В воспоминаниях Р. М. Плехановой, посвященных годам оккупации Франции, содержится немало интересных – впоследствии исторически подтвержденных – замечаний и догадок относительно событий, свидетелем которых она стала. К этим выводам она могла подойти только эмпирическим путем, читая прессу, слушая радио, пользуясь сообщениями родных... Каким независимым умом и способностью к анализу нужно было обладать, чтобы суметь отделить зерна от плевел в том мощном потоке дезинформации, который обрушился на людей после начала войны... А ведь в 1939 г. Розалии Марковне шел 84-й год.

Первые сообщения о подписанным Германией и Советским союзом пакте о ненападении привели ее в состояние шока, и, как многие другие, в своих оценках она руководствовалась эмоциями; однако уже некоторое время спустя в ее записях мы находим: «Перемену ориентации [С]ССР я объясняла себе так; Балтийское море и свобода плавания по нем[у] – является жизненной потребностью страны. Решение забрать Польшу было бы молниеносно приведено в исполнение при содействии балтийских маленьких государств и даже крупных (Норвегии и Швеции), если бы Россия не ответила положительно на предложение Германии. Если бы [Советская] Р[еспублика] не сделала этого [...] шага, то Германия с помощью балтийских стран в течение 5 – 6 дней оказалась бы, овладев Польшей, у ворот России. Петербургу грозила смертельная опасность со стороны немцев, подкрепленных помощью балтийских государств. Поддержка войны на Западе, когда на Востоке с Японией происходили еще кровавые стычки, закончилась бы, если не гибелью, то, во всяком случае, многими бедствиями. [С]ССР не был готов к войне на двух фронтах и он выбрал спасти страну от большого риска и опасности, сделать шаг, вопреки желаниям и симпатиям русского народа.

[...] «Мюнхен был большой ошибкой со стороны Франции и Англии, которые проявили наивное доверие к заверениям Германии, забыв, что это – не Германия Бебеля, Либкнехта, Зингера и Энгельса, а Германия «вождя» и его сорвиголов, которой ничего не свято» (Плеханова Р. М. Я глубоко страдаю за французский народ // Исторический архив. № 2 – 1998. – С. 196; выд. – Т.Ф.; См. также: РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 26. Лл. 1 – 137).

и 28 мая выявили всю несостоятельность расчетов правительства Великобритании и Франции. Сокрушительное поражение в ходе дюнкерской операции (26 мая – 4 июня 1940 г.), цель которой состояла в эвакуации английского экспедиционного корпуса и подразделения французской армии, расположенных близ Дюнкерка на британские острова, не оставляли сомнений в том, что о реальных планах гитлеровской Германии не имела представлений ни одна из этих стран. В результате несогласованных действий 42 английских, французских и бельгийских дивизий были окружены фашистскими войсками. В ходе операции по спасению удалось вывести около 340 тысяч человек; Франция и Великобритания потеряли значительное количество морских судов и самолетов.

14 июня 1940 года, десять дней спустя после завершения Дюнкерской операции, немецкие войска без боя вошли в Париж, устроив в столице торжественный парад. То был демарш и реванш победителей, чей флаг со свастикой стал разеваться над знаменитым Ке д'Орсе, а в Доме Инвалидов, на территории которого установлена усыпальница Наполеона Бонапарта, расположился штаб оккупационных сил.

16 июня государственная власть во Франции перешла к маршалу А. Петену, заключившему 22 июня перемирие с Германией, а еще два дня спустя – с Италией.

Свою подпись под соглашением с Германией о прекращении военных действий, вошедшего в историю под названием Компьенского перемирия 1940 года, маршал А. Петен поставил в Компьенском лесу. Место для заключения перемирия было выбрано Германией далеко не случайно: ирония судьбы состояла в том, что именно здесь в ноябре 1918 года было подписано Компьенское перемирие, ставшее актом капитуляции Германии и символом победы стран Антанты и США над Тройственным союзом в Первой мировой войне. Условия Компьенского перемирия 1918 года легли в основу Версальского договора (1919 г.).

По условиям второго Компьенского соглашения Германия получила право на оккупацию 2/3 территории страны и, помимо прочих уступок, Франция дала согласие на оплату содержания оккупационной армии.

Маршал Петен не скрывал своих политических симпатий и намерений сотрудничать с Германией: 3 июля 1940 года французские части нанесли бомбовый удар по английской базе в Гибралтаре, что привело к разрыву дипломатических отношений

между странами-союзниками. С этого момента официальная Франция в лице ее правительства из побежденного инейтрального государства превратилась в активного пособника Германии в борьбе сначала против Англии, а затем и всей антигитлеровской коалиции.

Однако, почти с первых дней оккупации в стране стало формироваться Движение сопротивления, сначала получившее название «Свободная Франция», а затем – «Сражающаяся Франция». Практически во всех департаментах начинали действовать партизанские отряды, боевые группы и патриотические организации, налаживался выпуск подпольных газет. В сентябре 1941 года был образован Французский национальный комитет, во главе которого встал генерал Шарль де Голль¹¹².

О глубине национального оскорблении, чувства протеста и стыда французов можно судить хотя бы по тому, как семья, члены которой всегда придерживались диаметрально противоположных политических взглядов, – Плехановы и Анри Ле Савуре были социалистами, в то время как Жорж Бато и его родители принадлежали к националистической партии «Action française», – объединилась, чтобы не только разоблачить «перемирие», но и начать вооруженную борьбу против оккупантов и коллаборационистов¹¹³.

Жорж Бато явился одним из организаторов движения Сопротивления, действовавшего на юге. «Национальной ассоциации бойцов Сопротивления», – такое название получила группа, – удалось вступить в контакт с рядом известных лиц, таких как генералы Бертен и Вотрен, полковник Тьери и др.; членами группы стали в будущем видные государственные деятели Франции, среди которых был, например, Жак Бомель. Бойцам ассоциации удалось наладить выпуск нескольких подпольных газет: «Les Petites Ailes» («Крыльшки»), впоследствии переименованную в «Liberte», и «Combat» – «Борьба», редактирование которых было возложено на Ж. Бато и К. Бурде.

¹¹² Символично, что уже два дня спустя, 26 сентября 1941 г., Советский Союз, переживавший один из самых трагических периодов Великой отечественной войны, расценил это событие как явление международного значения и акт поддержки и солидарности. СССР первым официально признал Ш. де Голля в качестве «руководителя всех свободных французов» (Смирнов В. П. Движение сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974.)

¹¹³ Некоторое время после подписания соглашения многие французы рассматривали его как политическую уловку, полагая, что правительство ведет с немцами двойную игру, одновременно стараясь организовать эффективное противодействие оккупантам. Как вспоминает К. Бато, в газетах, редактировавшихся его отцом, выражалась надежда именно на это. Однако иллюзии рассеивались по мере того, как факт пособничества становился все более очевидным. К. Бато пишет, что при мысли о совершенном Францией предательстве его до сих пор охватывает чувство стыда (Бато К. Указ. соч. С. 106)

Анри и Лидия Георгиевна Ле Савуре, сохранив Валле-оЛу как лечебницу для нервнобольных, превратили его в один из центров Сопротивления, и бывшее жилище Шатобриана в годы фашистской оккупации стало опорным пунктом сети, по которой осуществлялась переброска французских летчиков в союзные армии. Этот центр, в буквальном смысле расположенный под самым носом у гитлеровцев – немецкие солдаты пользовались парком санатория для прогулок, – удалось сохранить нераскрытым до конца войны¹¹⁴.

В 1940 году к движению Сопротивления присоединился 22-летний Клод Бато и оставался в его рядах до конца войны. Нужно сказать, что некоторые из его соратников по борьбе, например, Жак Бомель, и по окончании войны оставались близкими друзьями и единомышленниками. В один из дней оккупации Клод попал в облаву и в течение нескольких часов удерживался в крытом грузовике. Неизвестно, чем бы закончился для него арест, если бы не его находчивость и счастливая случайность. Обратив внимание на то, что охранявший его солдат методично совершает обход машины, не меняя при этом ни направления, ни шага, Клод решил попытаться бежать и, незаметно выскоцив из фургона, скрылся среди домов одной из прилегающих улиц.

В октябре 1945 года он был принят на службу в Министерство иностранных дел Франции в качестве атташе посольства и оставался на дипломатической работе – за исключением нескольких лет работы в правительственные органах – вплоть до выхода на пенсию в 1983 году.

В 1945 – 1946 годах, работая в Комиссариате по делам немецких и австрийских граждан, К. Бато занимался вопросами депатриации. Эта послевоенная проблема носила весьма острый характер, поскольку затрагивала не только уровень межгосударственных отношений, но и напрямую касалась настоящего и будущего конкретных людей, чьими судьбами когда-то помимо их воли распорядилась война. По рассказам Клода, познакомившись с жизнью бывших военнопленных и интернированных, он предложил решение, ставшее самым простым в данной ситуации, и, добавим, одновременно, самым человечным. Оказалось, что некоторые, если не многие, из оказавшихся на чужбине людей, успели обзавестись семьями, за шесть лет войны смогли пережить выпавшие на их долю трудности и беды и пустить, пусть еще слабые, корни. Эти об-

¹¹⁴ Р. М. Плеханова. Воспоминания (РНБ АДП Ф. 1094. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 33 – 37).

стоятельства были учтены, и всем находившимся на территории Франции иностранцам, как и оказавшимся в аналогичной ситуации на территории других государств французам, правительство предоставило возможность выбора: им самим предстояло решить вопрос о том, где они хотят жить и гражданами какого государства желают стать... Излишне уточнять, что это решение не касалось военных преступников и лиц, сотрудничавших с гитлеровцами.

Более десяти лет дипломатической службы Клода были связаны с Организацией объединенных наций: он возглавлял французскую делегацию на Ассамблеях ООН, руководил миссиями в отдельных учреждениях этого международного органа; работал выездным посланником при Управлении Организации объединенных наций... В разные годы К. Бато исполнял обязанности второго и первого секретарей французских посольств в Ираке и Португалии; руководил Генеральными консульствами Франции в Денвере и Сан-Франциско; являлся Полномочным послом Французской республики в Италии; занимал должности в Управлении по делам экономики и финансов, Генеральном секретариате национальной безопасности; руководил Службой информации МИДа; был техническим советником в составе кабинета Жака Бомеля – государственного секретаря в Министерстве общественных отношений, а затем – в составе кабинета премьер-министра Жака Шабан-Дельма; незадолго до выхода на пенсию был назначен советником министра по охране окружающей среды.

К. Бато – кавалер Ордена Почетного легиона, Командор государственного ордена за заслуги, награжден военным крестом за участие в войне 1939 – 1945 годов, имеет награды участника движения Сопротивления; помимо французских, отмечен государственными знаками отличия Португалии и Нидерландов.

Семейная жизнь Клода не во всем складывалась удачно. В мае 1954 года состоялась его свадьба с дочерью американского дипломата Деборой Мартин. Брак оказался счастливым и подарил супругам троих детей: дочь Сильви родилась в мае 1955 года; сыновья Жан-Клод и Филипп – также, в мае, в 1958 и 1965 годах. В архиве семьи, помимо множества любительских снимков, сохранились газетные вырезки со статьями и фотографиями, когда-то печатавшимися в американских и итальянских изданиях, в которых отразилась разнообразная деятельность французской миссии в Денвере, Сан-Франциско, Риме: официальные приемы и светские рауты; встречи

с представителями общественных объединений и организаций культуры; спортивные состязания и загородные прогулки... На многих снимках запечатлена Дебора Бато – красивая, уверенная в себе и всегда счастливая; газетчики писали о ней с симпатией и уважением... В середине семидесятых годов у Деборы начали проявляться признаки серьезного заболевания, и в августе 1980 года ее не стало. По воспоминаниям Клода, она была мужественной и сильной натурой: за месяц до кончины, будучи тяжело больной, в качестве жены посланника Дебора организовала большой прием по случаю Национального праздника Франции – Дня взятия Бастилии. Глядя на нее тогда, мало кто из присутствовавших гостей мог предположить, что дни этой женщины сочтены.

В декабре 1985 года Клод Бато женился на Марианне Викерс -подруге покойной Деборы, матери одного из друзей детства младшего сына Филиппа.

1994 год стал знаменательным для семьи Бато сразу в нескольких отношениях. Во-первых, состоялись три свадьбы: в мае поженились Филипп и его давняя подруга Наташа Ренар; в августе вступили в брак Жан-Клод и Стефания Вилла, уроженка Милана; в декабре Сильви и Эдуарде Робledo, которые уже давно были вместе, в узком кругу друзей в Гибралтаре также сыграли свадьбу и вскоре переехали во Флориду.

Вторым событием стало рождение 27 октября 1994 года Жана-Пьера – первенца Стефании и Жана Клода.

29 марта 1996 года появилась на свет Франческа Клод Жакаранда – второй ребенок Жана-Клода и Стефании. Франческа родилась пять месяцев спустя после трагической гибели отца.

В ночь на 4 ноября 1995 года Клод потерял обоих сыновей.

Летом 1994-го сыновья решили на год отойти от дела, оставив его под наблюдением управляющих, и совершить кругосветное путешествие.

Жан-Клод, страстный любитель парусного спорта и опытный шкипер, строил катамаран, на котором должна была разместиться его семья, отправлявшаяся в плавание вместе с ним. Судно было обустроено для путешествия и оборудовано усовершенствованной навигационной системой на основе спутниковой связи.

Перед тем как отправиться в кругосветное плавание, Жан-Клод планировал принять участие в трансатлантической регате по маршруту Йер – Мартиника – Азорские острова. Филипп и трое друзей должны были сопровождать его до Балеарских

островов, где Жан-Клод собирался нанять более опытный экипаж для того, чтобы пересечь Атлантику.

Французская национальная метеорологическая служба, несмотря на то, что в Средиземном море проходили одновременно два международных состязания, объявила забастовку, и участники соревнований располагали весьма расплывчатыми указаниями относительно метеорологической обстановки. Доверившись полученным прогнозам, катамаран Жана-Клода утром 3 ноября взял курс на Балеары.

После полудня разыгралась жестокая буря, как впоследствии оказалось, самая сильная на Средиземном море за последние 40 лет. К полуночи буря усилилась, и огромная волна опрокинула парусник. Жан-Клод сумел подать сигнал бедствия, но первые вертолеты, отправленные на помощь, их не нашли. Во время попыток спустить в море спасательную лодку Жана-Клода и еще двух членов экипажа смыло волной. Филипп умер от переохлаждения. Оставшийся в живых член экипажа, когда его обнаружили спасатели, находился в коматозном состоянии...

Сегодня Жан-Пьер и Франческа – единственные дети семьи Бато-Плехановых – вместе с мамой и бабушкой живут в одном из предмествий Парижа. Десятилетняя Франческа, в жилах которой русская кровь едва ли составляет 1/32, называет себя «особенной», потому, что она – русская». Откуда эти чувства и мысли могли появиться, если о России и русских девочка знает лишь из рассказов деда, переведенных на английский язык сказок А. С. Пушкина и старых советских мультфильмов, герои которых говорят на непонятном ей языке? Может быть, все-таки, это зов предков?

Филимонова Т. И.,

заведующая сектором

«Дом Плеханова»

Российской национальной
библиотеки г. Санкт-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.	
Семья Георгия Валентиновича Плеханова	3
Глава 2.	
Из истории Дома-музея Г. В. Плеханова	66
Глава 3.	
Письма М.П. Трунова к Р. М. Плехановой. 1927 – 1934 гг.	71
Глава 4.	
Газета «Единство» в фондах Липецкого областного краеведческого музея	97
Глава 5.	
Записные книжки Льва Григорьевича Дейча	103
Глава 6.	
Памятник Г. В. Плеханову в городе Липецке	128